Лилия Гаан

Агнесс

и серебряные швабы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Средневековье - знакомый с детства мир потрясающих сказок, где рыцари сражаются с драконами, а Красная Шапочка запросто болтает с волком. Оно до сих пор очаровывает человечество легендами о рыцарских идеалах, подвигах на турнирах и страшными тайнами грозных замков. Фридрих Барбаросса, Генрих Лев, Ричард Львиное Сердце.... Эти имена можно найти даже на страницах школьных учебников, но что мы знаем о жизни не столь известных представителей рыцарства той эпохи? Увы, слишком мало! Но ведь эти люди не были каменными статуями за спинами своих сюзеренов: они тоже влюблялись, ненавидели, страдали, мечтали... Агнесс фон Крайц в силу обстоятельств осталась последней представительницей своей семьи. Лишенная жестоким графом фон Геттенбергом собственного дома, она вынуждена бороться за возвращение отобранных земель. На пути к достижению цели ей приходится преодолевать массу опасностей, но и находить самых неожиданных друзей. Присутствуя на коронации французского короля Филиппа Августа, Агнесс встречает свою любовь. Как сложатся её отношения с красавцем Эрихом фон Диссеном? Удастся ли ей вернуть себе земли предков? Всё это вы узнаете, прочитав роман. Сюжет развивается на фоне реальных исторических событий, но одновременно наполнен персонажами европейского фольклора.

- Гаан Лилия Николаевна
  - ○

Гаан Лилия Николаевна
Агнесс и серебряные швабы

ЮЖНАЯ БАВАРИЯ.

В том году конец марта выдался необыкновенно промозглым: недолгие заморозки со снежными заносами сменяли ледяные дожди и оттепель. Дороги утопали в грязи, и повсюду царила слякоть. А если и выпадали солнечные дни, то суровый ветер не давал забыть о недавней зиме и холодах.

Зябко кутаясь в подбитую мехом накидку, Агнесс стояла у бойницы одной из башен родного замка и с ужасом смотрела на полыхающие под его стенами костры неприятеля.

Крайц не отличался особыми укреплениями. Три его невысоких башни были рассчитаны на защиту от всяческого праздношатающегося сброда, но вряд ли могли выдержать серьезную осаду, и уж тем более натиск со стороны хорошо вооруженного рыцарского отряда наподобие того, что расположился сейчас под его стенами.

Сумрачно белели палатки, и угрожающая темнота постоянно взрывалась звуками хохота, голосами перекличек часовых, ржанием лошадей. До защитников замка долетали запахи готовящегося ужина, перебивавшие удушливую гарь от полыхающей неподалеку деревни.

- Пресвятая Дева, да сколько же их? - уныло поинтересовалась девушка у напряженно вглядывающихся в темноту рыцарей Крайца.

- Трудно сказать, госпожа! Не менее сотни, и, судя по поведению их дозорных, это ещё не все. Ждут подкрепления!

Агнесс болезненно потерла виски.

- Ещё и подкрепление!

Их гарнизон насчитывал всего лишь полтора десятка защитников, не считая обслуги. Но что с тех взять? Кроме, как подтаскивать камни да кипяток они мало на что годились.

Крайцы не были особо состоятельным семейством, чтобы считаться завидной добычей. Их лён располагался на малоплодородных землях альпийских предгорий Баварии, но по восточной границе этого владения проходил тракт, ведущий на Бреннерский перевал, через который путники попадали в Италию.

Ничего особенного: несколько миль дороги вдоль небольшого озера, мост через горную речушку и постоялый двор, где останавливались на ночь паломники, но собираемых пошлин

вполне хватало Крайцам на жизнь, достойную рыцарского положения.

Замок стоял в достаточном отдалении от дороги, чтобы обезопасить его обитателей на тот случай, когда по тракту двигались армии, нередко перемещавшиеся в Италию и обратно.

Так и жило это семейство на протяжении двух последних веков, пока на их земли неожиданно не стал претендовать могущественный враг.

Последние полгода были самыми страшными в истории их дома. Судьба словно отыгралась на Крайцах после того как столько лет им благоволила.

Когда-то Карл фон Крайц участвовал вместе со своим сюзереном Генрихом Львом во втором походе Фридриха Барбароссы в Италию.

В 1158 году императору удалось полностью подчинить себе северо-итальянские города, и только миланцы отказались подчиниться его произволу, за что и были жестоко наказаны. После девятимесячной осады Милан не просто был взят и разрушен: немцы даже распахали и засыпали солью рыночную площадь в знак того, что вместо города отныне здесь всегда будет пустошь. Можно только представить, что творилось в разграбляемом озверевшими солдатами городе: крики убиваемых людей, визг и проклятия насилуемых женщин, грабеж, пожары, драки не поделивших добычу ратников!

И именно среди этого кошмара и ужаса нашёл Карл фон Крайц любовь всей своей жизни. Его груженные добычей люди проезжали по одной из улочек города, когда увидели яростно отбивающуюся от насильников рыжеволосую девушку. Несчастная кусалась, царапалась и визжала, но понятно, что это ей мало помогло, если бы зеленые заплаканные глаза не встретились со взором закованного в латы рыцаря. Любовь поразила Карла подобно острой стреле, и он немедля пришёл на помощь рыжеволосой красавице. Правда драться и подвергать и себя, и своих людей опасности он не стал, просто выкупив пленницу.

Юная Беатриче была из достаточно состоятельной семьи: её отец даже одно время был членом городского совета, но от былого богатства девушке досталась только чудом уцелевшая в семейном тайнике богато изукрашенная эмалью и жемчугом Библия. Впрочем, в ту пору за такую книгу могли дать две деревни с крестьянами.

Фон Крайц не стал оскорблять свою пленницу недостойной связью и, будучи к тому времени уже несколько лет вдовцом, по возвращении с войны женился на Беатриче.

От первого брака у него уже был сын - юный Фридрих, а

вторая жена одного за другим родила ему дочь и трёх сыновей. Супруга со вкусом обустроила их быт, показав себя не только прекрасной женой и матерью, но и идеальной хозяйкой, а что ещё нужно мужчине, чтобы стать счастливым?

Прошло четырнадцать лет спокойной жизни, когда на почтенное семейство обрушились первые испытания. От неизвестной болезни сначала умерли два младших сына четы фон Крайцев, а потом, не справившись с очередными родами, погибла и сама Беатриче. От горя и тоски её муж стал чахнуть и вскоре последовал за своей возлюбленной под плиты семейного склепа.

Казалось, у Крайцев не будет никаких проблем с наследством. Всё было предельно ясно: после смерти владельца лёна осталось двое сыновей и дочь. Старшему Фридриху уже исполнилось двадцать лет, и в печально известном сражении при Леньяно он хоть и был ранен, но получил рыцарские шпоры. И какие могли быть претензии на их земли при таком бравом наследнике?

Так Крайцы думали до тех пор, пока в их замок не прибыл епископ Аугсбургский - Хартвиг I фон Лирхайм, собственной персоной.

Молодой Фридрих фон Крайц был крайне польщен выдавшейся честью.

Конечно, их род был не самый захудалый: его отец имел и герб, и право распускать собственное знамя. Подобных Крайцам дворян в Германии того времени называли "вольными господами". Они владели собственными вотчинами, в отличие от держателей поместий. Но владения этой семьи были слишком скромными, чтобы их часто посещали столь высокопоставленные гости. К тому же новости, которые привез высокочтимый прелат, потрясли молодых Крайцев.

- Мне очень жаль, дети мои, усугублять вашу скорбь, - прямо заявил епископ, замершим в изумлении наследникам, - но... граф Пауль фон Геттенберг претендует на часть земель Крайца!

Фридрих и Агнесс переглянулись в недоумении, а потом настороженными глазами уставились на сухопарого величественного старика, истово перебирающего в скрюченных артритом пальцах агатовые четки.

- Но... почему? - нахмурился Фридрих. - Какое дело графу до наших владений?

- Наша святая мать церковь согласна сделать всё, чтобы предотвратить кровопролитие между своими детьми!

Ещё ни один на свете священнослужитель не ответил прямо на щекотливый вопрос, не был исключением и этот:

- Я приехал помочь решить ваш спор миром!

- И мы хотим мира, - подтвердил расстроенный фон Крайц, - но почему фон Геттенберг нам угрожает войной?

- О, нет! В таком случае, он бы не попросил о посредничестве. Думаете, легко в моем возрасте пускаться в дорогу? Но с поражением имперских войск при Леньяно ситуация изменилась в худшую для немцев сторону. Разве мы можем знать, как поведёт себя Ломбардская лига после столь нашумевшей победы? Обнаглевшие торгаши могут возомнить о себе невесть что! Сможете ли вы с жалкой кучкой подвластных людей контролировать дорогу на Бреннерский перевал?

Фридрих побледнел от гнева.

- Справлялись же мы до сих пор!

- Но я уже объяснил, сын мой, что обстоятельства изменились! В своё время предки графа фон Геттенберга Гогенштауфены даровали твоему предку - рыцарю Конраду Отважному право на защиту этой части своих земель, а теперь он желает получить их обратно. Граф требует вернуть ему дорогу и мост!

Всего лишь! И как содержать Крайц и подвластных людей без доходов от пошлин?

- Но Штауфены теперь не являются моими непосредственными сеньорами,- возмущенно возразил Фридрих,- чтобы предъявлять такого рода претензии. Я - вассал герцога Баварского, и обращусь к нему за правосудием!

- Ваше право! - сухо поджал губы прелат, и практически сразу же покинул владения Крайцев.

Это наглое выступление, конечно, касалось не только несчастных фон Крайцев. Оно было направлено и против их сеньора. И герцог Баварский Генрих Лев это прекрасно осознавал.

С тех пор как в борьбе за императорский престол столкнулись интересы двух могущественных германских родов - Вельфов и Штауфенов, конфликт не затихал даже на день. И хотя в описываемый период не было открытых военных столкновений, тайная борьба всё равно продолжалась.

Генрих Лев сочувственно выслушал жалобы молодого вассала, но вступать в открытую конфронтацию с Штауфенами из-за захудалого Крайца не стал. Как знать: не ведёт ли себя граф столь дерзко по наущению самого Барбароссы? Герцог не исключал такой возможности. Недаром император назначил фон Геттенберга одним из своих наместников в Швабии.

И Генрих Лев пообещал обиженному рыцарю обратиться с жалобой на самоуправство графа в имперский суд.

Неизвестно, какова на самом деле была роль императора в судьбе мало кому известного Крайца, но тот не стал отказывать в

правосудии, лишь потребовав предъявить для уточнения истины жалованные грамоты на родовые земли фон Крайцев.

Надо сказать, таковые имелись: чудом уцелели в войнах и пожарах! Однако напрасно вся семья в поисках старинных свитков перерыла весь замок.

- Помню, хранились в кованом ларце в родительской спальне!

- И я его видел! Отец там держал свои бумаги!

Но что толку от воспоминаний наследников? Кованый ларец видели все, но никто не мог вспомнить, когда именно он исчез. Возможно, знал покойный фон Крайц, но после его смерти дети были настолько подавлены, что забыли о семейных реликвиях: пропали и геральдические бумаги, и брачные контракты, и списки приданого покойных хозяек Крайца.

Когда расстроенный Фридрих вновь отправился к Генриху Льву, чтобы посоветоваться по поводу новых неприятностей, на его небольшой отряд напали неизвестные злоумышленники. Молодой человек был убит в стычке: кинжал разбойника вонзился в незащищенную кольчугой часть шеи.

В часовне как раз шла заупокойная месса по погибшему господину, когда дозорные в панике кинулись закрывать ворота перед неизвестно откуда взявшимся рыцарским отрядом. Над незваными гостями реяли хищно распростершие лапы львиные леопарды на двухцветном фоне: золотом - Штауфенов и лазоревом - Геттенбергов. Только чудо да промысел Божий спасли Крайц от захвата с ходу.

В тесном дворе замка так и остались запертыми, пришедшие проститься с юным господином крестьяне из подвластной деревни. Недоумение, паника, страх...

Но самую большую растерянность, переходящую в ужас, наверное, испытывала юная Агнесс - шестнадцатилетняя сестра покойного. Погибший Фридрих был, конечно, молод, но её младшему брату - Густаву не исполнилось даже тринадцати лет. Сущее дитя и разумом, и телом!

Рядом с щуплым и болезненным подростком юная девушка невольно чувствовала себя взрослой и умудренной жизнью дамой: ведь после смерти матери она уже два года занимала место хозяйки замка. Однако если Агнесс могла сосчитать, сколько у семьи мешков с зерном и горшков с топленым салом да распорядиться на счет обедов, это не значит, что ей также ловко удалось бы принять волевые решения во время осады замка грозным и беспощадным противником!

- Хальц, - обратилась она к старшему рыцарю, возглавлявшему воинов Крайца ещё при отце, - что будем делать?

- Что же ещё, госпожа Агнесс, сражаться! Другого выхода нет!

У нас крепкие стены, достаточно еды и воды. Вот только лишних ртов многовато...

Девушка недоверчиво покосилась на рыцаря. С другой стороны, кто знает? Может, осаждавшие и не смогут взять Крайц? Разве она в силах постичь Божий промысел?

- Так-то оно так, - тоскливо согласилась девушка, - но у меня не выходят из головы пропавшие документы... куда они делись?

Но Хальцу не было дела до каких-то пропавших грамот.

- Ваши предки владели Крайцем с незапамятных времен, - буркнул он. - Почему именно сейчас это подверглось сомнению? Покажите императору свой семейный склеп, если останетесь живы!

Вот именно! Старый воин был прав - для начала надо выжить!

АГНЕСС ФОН КРАЙЦ.

До обрушившихся на её родной дом бед Агнесс была весёлой, хлопотливой резвушкой и любимицей всей семьи. И братья, и родители баловали девочку как могли. Особенно обожала её мать.

- Когда ты вырастешь, солнышко, - любила говаривать Беатриче, расчесывая рыжие волосы девочки, - я повезу тебя в Италию! Мы купим тебе в приданое узорчатые восточные шелка для блио. Остерлен - шелк глубокого фиолетового оттенка, переливающийся несколькими цветами дамаст и золотистую парчу. Платье из дамаста было у меня в юности, пока... я не встретила твоего отца!

Агнесс обожала слушать историю спасения матери. Отец в этих рассказах представал сказочным героем - настоящим рыцарем без страха и упрека, о которых вечно грезила её тетушка Луиза. Эта робкая и недалекая старая дева жила в семье брата, потому что ей не хватало мужества даже на то, чтобы принять постриг.

Мать не особо ладила с золовкой. Луизе не нравилось, как распоряжается "ломбардийка" в её родном доме.

Крайц был устроен по типу и подобию всех сооружений подобного рода.

Две сторожевых башни смотрели на восток: именно оттуда могла прийти опасность. Третья же, самая большая и просторная прямоугольная башня - донжон, надежно защищенная с тыла крутыми скалами, заросшими непроходимым лесом, являлась домом для всех обитателей замка. На четырёх её уровнях расселились хозяева и слуги. Здесь же были устроены и кладовые, и оружейная комната, и спальни, и каминная комната для женской части семьи.

Раньше хозяйская кровать отделялась от общего помещения лишь границами полога, соседствуя с ткацкими станками и прялками, скамьями, сундуками и шкатулками каминной комнаты. Беатриче уговорила мужа разделить помещение перегородкой, отделившей общий зал от супружеской спальни. Помещение залы стало гораздо меньше, зато у супругов появилось пространство для личной жизни. Это и не понравилось Луизе.

- Вечно ломбардийка придумывает всякие глупости! - ворчала она, щурясь при шитье. - Из-за этой нелепой стены света в комнате стало в два раза меньше, и не протиснуться. Между прочим, моим родителям не мешали домочадцы!

Но Беатриче никогда не реагировала на едкие замечания золовки.

- Нельзя сердиться на дам, не сумевших обрести мужа и детей, - со вздохом говорила она дочери. - Им, бедняжкам, и так приходиться влачить свои дни без любви!

Со временем рыжие волосы Агнесс солидно потемнели, но не утратили огненной рыжины. В сочетании с зелеными глазами и идеальной белой кожей это давало поразительный эффект. Родители возлагали на дочь большие надежды.

- Ты у меня красавица! - любовно гладила мать ненаглядную дочь по каштановым локонам. - Вот появимся при дворе герцога, и самый красивый, самый благородный из рыцарей положит к твоим ногам своё сердце!

Как часто в последнее время вспоминала Агнесс эти материнские слова. Ах, если бы Крайцы во время смогли заручиться брачным обещанием пусть и не самого "красивого" и "благородного", но достойного представителя знатного семейства! Тогда бы Агнесс не оказалась в жуткой ситуации, когда враг на пороге, а помощи ждать не от кого. В ту пору девушки из знатных семейств выходили замуж очень рано, но смерть матери, а потом и болезнь отца заставили Крайцев отложить замужество Агнесс до лучших времен. И вот ей уже минуло шестнадцать, а неё не то, что мужа - жениха не было!

Растерянная девушка прошла в родительскую спальню. Покойный Фридрих так и не успел до конца обжить эту комнату, и в ней всё ещё пахло горной лавандой и мятой, которые мать любила разбрасывать по полу.

Каменные стены закрывали вышитые женщинами Крайца разноцветные гобелены, поэтому в комнате всегда было тепло и уютно. Родители любили, оставшись наедине и греясь у жаровни обсуждать свои дела. Здесь же стояли сундуки с приданым Агнесс, шкатулки с украшениями и коробочки с пряностями, а на

обустроенном в углу алтаре возлежала самая большая ценность Крайца - Библия семьи Беатриче.

Агнесс вытерла слёзы, взглянув на стул матери, но после недолгого раздумья, села всё-таки в кресло отца. Обхватив ладонями подлокотники, отполированные руками несколько поколений Крайцев, девушка почувствовала себя немного уверенней.

- Не надо паниковать! Посмотрим, чего они хотят. На крайний случай придётся отдать им постоялый двор и мост.

Агнесс настолько крепко задумалась о своём незавидном положении, что так и заснула в кресле.

Увы, но утро не оправдало надежд юной защитницы крепости.

Однако прежде чем в воздухе засвистели стрелы, появился парламентер.

Крайцы вышли на крепостную стену. Позади Густава - нового владельца крепости молчаливой тенью держалась его укутанная в траурную вуаль сестра.

- Мой господин - граф Пауль фон Геттенберг, - нагло заявил закованный в кольчугу переговорщик, - предлагает вам прекратить сопротивление и передать в его руки незаконно занимаемый вами замок. Только в этом случае гарантируем жителям Крайца жизнь!

Агнесс не захотела даже отвечать на такие наглые притязания, молча потащив за собой со стены упирающегося брата. Но разозлившийся Густав, вырвавшись, вернулся назад:

- Это земля моих предков! Её мы получили с Божьего благословения, так почему же должны отдать человеку постороннему, даже не баварцу?

- Крайц - выморочное владение, потому что связь вашего отца с ломбардийкой матерью была незаконной

От такого хамства замерли все защитники крепости. Понятно, что на головы парламентеров посыпались ответные оскорбления возмущенных уроженцев Крайца.

Нападавшие ответили градом стрел, а затем над головами обитателей замка с противным шорохом просвистело каменное ядро: раздались первые истошные крики боли, а в ворота с ужасающим грохотом забил таран.

Осада началась.

Расстроенная девушка, распорядившись об уже появившихся раненных, поднялась в покои родителей. Там у домашнего алтаря молилась тетка.

- Зря вы отказались от предложения сдаться! - заголосила та, ломая руки. - Нет ничего хуже осады! А если эти звери ворвутся в

замок? Представляешь, что будет с нами?

- Замок хорошо укреплен! - с досадой перебила её племянница. - Если меня что и тревожит, то не осада! Куда исчезли грамоты?

- Какое это имеет теперь значение?! Кому нужны грамоты, когда вскоре здесь все будет предано огню, а нас... нас... Ты не знаешь, что делают мужчины с женщинами, врываясь в осажденный замок!

- Можно подумать, что вы знаете! - непочтительно отозвалась девушка. - Наверняка, мы погибнем, но разве люди приходят в этот мир не для того, чтобы умереть?

- Ох, Агнесс, ты такая же бессердечная, как и твоя ломбардийка мать!

Но племянница уже привыкла к ворчанию тётки и реагировала на него не больше, чем на квохтанье куриц на птичьем дворе.

- Как оповестить герцога о разбойничьем нападении фон Геттенберга? - рассуждала она вслух. - Генрих Лев, наверняка, не ведает даже о смерти Фридриха! Как справиться с хищником швабом?

Луиза растерянно пожала плечами.

- Я никогда его не видела, но слышала, что в молодости он был весьма недурен собой! Говорят, что дьявол когда-то наделил его прадеда серебряными волосами ....

Заслышав про серебряные волосы, Агнесс насторожилась. В памяти неожиданно ожило, казалось, давно забытое воспоминание.

Родители поехали на ярмарку в Аугсбург, прихватив старших детей: её и Фридриха. Отец собирался купить своему отпрыску хороший меч, а жене и дочери позолоченные серебряные браслеты, чеканкой которых славились аугсбургские ювелиры.

Беатриче, истосковавшаяся в глуши горного замка по суете городских улиц, с разрумянившимся от возбуждения лицом обходила ювелирные лавки, и пока мужская часть Крайцев пропадала в оружейном квартале, мать с дочерью с горящими глазами разглядывали женские украшения: перстеньки, колечки, цепочки, броши и диадемы.

Совершив, в конце концов, свои покупки счастливые Беатриче и Агнесс вышли на улицу, раздумывая, куда бы им ещё направиться. И в этот момент на узкой улочке появился всадник разодетый в длинный, подбитый белым горностаем плащ с золотыми пряжками и в сопровождении отряда подвластных людей.

Женщинам и остальным прохожим пришлось прижаться

спинами к стенам ближайших домов, чтобы пропустить такую важную особу, но Агнесс хорошо его запомнила. И дело было даже не во властности его осанки или в каменной надменности красивого лица, а в невероятном серебристом подшлемнике на его голове, искрящемся на солнце, как только что выпавший снег. Даже купленные только что браслеты не могли сравниться с ним по сиянию. Голову незнакомца так же украшала широкая диадема из золота в виде короны, каждый из зубцов которой заканчивался кровавым рубином.

- Серебряный шваб... Серебряный шваб....,- зашептались люди по соседству.

- Мама, - дернула мать за рукав очарованная Агнесс, - что это на голове у рыцаря? Парчовый подшлемник?

Беатриче, сама не сводящая восхищенных глаз с всадника, тихо рассмеялась.

- Это волосы, глупышка!

- А разве бывают такие волосы?

Стоявший по соседству улыбающийся мужчина таинственно подмигнул девочке:

- А вы не знаете, юная барышня, что это и есть настоящее серебро? Говорят, когда-то давно его прадед продал душу дьяволу взамен власти и богатства! Но когда граф должен был подписать договор, то выяснилось, что он не разумеет грамоте. Тогда Сатана расхохотался и сказал, что ему и не нужно его подписи, мол, он и так угадает должника. С тех пор у всех истинных потомков графа серебряные волосы!

- А почему серебряные, - полюбопытствовала тогда Агнесс, - а не золотые? Ведь золото дороже серебра!

- А потому, смышлёная фройляйн, что Иуда продал Спасителя за серебро, а не за золото! Дьявол ведет свои расчеты в серебре!

Пока они разговаривали кавалькада проехала мимо, и случайный прохожий пошёл в одну сторону, а женщины направились в другую.

- Мама, а серебряные волосы нужно мыть?

Беатриче снисходительно рассмеялась.

- Это всего лишь старинная легенда, дорогая! А у графа просто необычный цвет волос.

Всадник проехал и исчез, но воспоминания о нём, оказывается, сохранились в её памяти. Лица графа девушка не запомнила, но вот волосы... увидев хотя бы раз искрящийся блеск серебристых локонов, забыть их уже было невозможно.

- Так это и был фон Геттенберг... - разочарованно пробормотала она. - А что если написать письмо папе? Говорят,

его святейшество даже покойного императора мог приструнить!

- И что его святейшеству до нашего Крайца? Пока письмо будет идти в Рим, от нас уже и костей-то не останется: волки растащат!

Агнесс сдержанно вздохнула. Крайц стоял в окружении скал и дремучих лесов, и волки были серьезной проблемой в их владениях, постоянно устраивая набеги на окрестные села. Впрочем, сейчас бы она предпочла самого страшного волка свирепым леопардам фон Геттенбергов!

К вечеру все, наконец-то, угомонились: и осажденные, и осаждающие. Пока в замке подсчитывали потери, обеспокоенная девушка вновь вышла на стену.

Что-то влекло её к этим огням, вокруг которых сейчас отдыхали враги. В отдалении на холме бросалась в глаза хорошо освещенная ярко-жёлтая палатка. Днем её не было!

- Сам граф здесь! - хмуро пояснил юной госпоже подошедший Хальц, - Приехал на вечерней заре вместе со старшим сыном! И за что нам такая честь?

- Это плохо?

- Да куда уж хуже! - буркнул старый рыцарь. - Можно, что угодно говорить про графа, но одного оспорить невозможно: он опытный воин! И я сомневаюсь, что будет тратить своё время в бесполезной осаде.

- Но разве у него есть другой выход из положения?

Хальц только пожал плечами, брякнув железными рукавицами.

- Не знаю... Может, сделают подкоп? Хотя здесь крепкий скальный грунт. Но я бы предпочел, чтобы он сидел в своём графстве, а осаду вел его капитан. С тем можно, в конце концов, столковаться, а с самим фон Геттенбергом переговоры невозможны!

- И что же теперь будет?

- Всё в руках Господа!

Вопреки прогнозам старого рыцаря следующий день не принес значительных перемен. Никакой особой ярости в осаждавших крепость воинах не ощущалось: этот день не увенчался даже попыткой штурма.

Агнесс с теткой стояли в часовне за молитвой, когда к ним через толпу таких же молящихся женщин протиснулся один из рыцарей.

- Госпожа, вас зовут на крепостную стену!

Встревоженная девушка поспешила на деревянную лестницу, ведущую на смотровую башню. Вчера во время боя, некоторые ступеньки были поломаны втаскивающими чаны с кипятком

защитниками замка, и теперь ей было довольно тяжело карабкаться наверх. Когда она, запыхавшись, появилась на смотровой башне, там её ждал мрачный как туча Хальц.

- Посмотрите,- взмахнул он рукой вниз, - что-то не так!

Агнесс осторожно выглянула из-за зубца башни и обрадовано замерла. Под стенами замка суетились нападающие, разбирая и оттаскивая прочь все приготовленные для штурма лестницы и сооружения.

- Они уходят?

- Не думаю! Вряд ли граф прибыл сюда, чтобы снять осаду. Нет, они придумали нечто другое! После крестовых походов появилось немало осадных орудий, о которых я не имею представления. Вам нужно бежать! - убежденно добавил он.

Агнесс знала про потайной ход с детства - это была тайна, известная только близким членам семьи, даже тетка и то была не в курсе. Зато знал о его существовании Хальц.

- Если мы исчезнем,- нахмурилась девушка, - в Крайце тот час воцарится паника, и противнику моментально откроют ворота. Сообразив, что мы исчезли граф организует погоню и... далеко мы не убежим!

- Но ваше пребывание здесь по-настоящему опасно!

Девушка долго размышляла, пристально разглядывая неспешную суету вражеского лагеря.

Она не имела права рисковать последним фон Крайцем. Густав ещё слишком юн и слаб, чтобы попасть в руки противника.

- Я останусь, - наконец, решилась она,- а ты с преданными рыцарями возьмешь Густава и отправишься с ним в Нюрнберг: к герцогскому двору, за защитой!

- А как же...

- На стенах вместе с людьми останусь я!

- Но, фройляйн,- смутился старый воин,- вам нельзя здесь оставаться! Я вовсе не хочу вас пугать, но про графа ходят очень нехорошие слухи! Он никого не щадит: ни мужчин, ни женщин, ни детей!

- Зачем ему гибель молоденькой девушки - даже не наследницы? Скорее всего, граф потребует выкуп с наших подданных!

- Но... он настаивает, что это его подданные!

Агнесс, тяжело вздохнув, отвернулась от преданного рыцаря.

- Из этой ситуации нет другого выхода! Я буду молиться Пресвятой Деве, и она защитит меня от ярости зверя!

Хальцу только и осталось, что покорно склонить голову, с уважением посмотрев на суровую девушку рядом.

Агнесс уже собиралась спуститься со стены, когда рассеянно

бросив взгляд на ставку неприятеля, вдруг уперлась глазами в высокую фигуру воина в начищенных до зеркального блеска латах. Он наблюдал за работой своих людей, суетящихся вокруг высоченного, странного сооружения с огромными полыми колесами, являющимися частью непонятного механизма.

- Это...

- Граф Пауль фон Геттенберг. Его ещё зовут Серебряным швабом за необычный цвет волос как будто он с рождения седой, - сухо подтвердил Хальц, с ненавистью взирая на врага, - а эта машина похожа на требюше. Я слышал о них. Говорят, что эта катапульта работает за счёт противовесов и может забросить за стену замка даже дохлую лошадь! Адская машина!

- А зачем графу забрасывать нам лошадь?!

- Я многое бы дал, чтобы узнать, что в его голове?

Граф был без шлема, и его серебристые длинные волосы трепал ветер, но с такого расстояния Агнесс не смогла рассмотреть лица, отметив только далеко не старческую стать.

- Он не похож на старика!

- А он и не старик - мужчина в самом расцвете сил! Опытный, опасный воин, полный неприятных сюрпризов! Фройляйн, пока не поздно... есть вещи похуже смерти!

- Нет!

Но фигура грозного рыцаря настолько устрашила девушку, что она в смятении повернулась к Хальцу.

- Ради Пресвятой Девы уходите, не дожидаясь темноты! В Густаве сосредоточено всё будущее семьи фон Крайцев! Берегите его! А я... со мной все будет хорошо! Мы продержимся в осаде до подхода помощи от герцога!

Нелегкая задача: отправить нескольких человек из осажденного замка так, чтобы об этом никто не догадался. Но Агнесс действовала как никогда изобретательно и стремительно, настолько устрашила её внезапная встреча с графом, продавшим душу дьяволу. И только мысль об удалявшемся в безопасное место юном брате немного согревала душу девушки. Густав упросит Генриха Льва помочь Крайцу, и всё закончится хорошо!

Страшные удары один за другим стали потрясать стены замка в тот самый миг, когда прозвонил колокол к вечерне.

- Они решили разбить из требюше южную стену! Бросают в неё огромные глыбы, и уже пошли трещины! - вбежал один из воинов в часовню, где в окружении женщин и детей молилась Агнесс.

Кто-то в ужасе взвыл, кто-то с криком заметался по тесному помещению, прижимая к себе детей, и всё так перемешалось как будто уже наступил Апокалипсис!

Выбежавшая из часовни Агнесс с ужасом увидела, как содрогнулась от очередного удара стена. Мгновение, и она стремительно осыпалась, подняв клубы удушливой пыли. А из пролома как из врат ада стали выпрыгивать осыпанные осколками камня и страшно орущие воины. Им навстречу кинулись немногие из уцелевших защитников Крайца, и во дворе замка завязалась кровавая сеча.

Испуганная девушка бросилась вверх по лестнице в башню донжона.

- Ломайте лестницу! - закричала она, кому-то из кинувшихся следом людей. - Закрывайте двери!

И с облегчением услышала треск обрушиваемого дерева за спиной. Толстые стены донжона было не сломать даже самой грозной катапульте! Но как знать: не придумает ли какую-нибудь очередную хитрость её коварный враг?

Агнесс забежала в спальню родителей в откровенном стремлении укрыться, забиться в родной безопасный угол, где ещё таились тени близких, почувствовать себя хоть на миг под их защитой, прежде чем наступят страшные испытания.

Закрывшись в спальне, она суматошно подперла дверь двумя тяжеленными сундуками и попыталась встать за молитву у домашнего алтаря, но ничего не получилось. Её трясло от страха как в лихорадке, мысли путались, зубы стучали, и она даже потихоньку жалобно завыла, заскулила как обиженная собачонка...

И вот тогда Агнесс бессильно опустилась в отцовское кресло, судорожно сжав его подлокотники, и уставилась напряженными глазами на дверь.

- Ничего плохого не случится, - уговаривала она себя. - Со знатными дамами ничего плохого не случается! Стены выдержат, а если и нет... он не осмелится убить меня! Я - благородная девица! А если и убьет, то Дева Мария защитит меня, даст силы умереть достойно!

Может, стены родительской спальни придали несчастной девушке мужества, а может, она и сама уже оправилась от неожиданности. Вскоре дрожь прошла и зубы сами собой стиснулись в суровом противоборстве с парализующим страхом.

Затаившаяся в своем убежище Агнесс напряженно прислушивалась к раздающимся за стенами донжона звукам сечи. Кто-то пронзительно кричал от боли, кто-то наоборот оглушительно торжествующе ревел, страшно лязгало оружия: страшный шум то накатывал, то отступал...

- Может, ещё и отобьются, - прошептала девушка в безнадежной попытке уверить себя в невозможном. - Господь не

допустит...

Но Бог в этот раз был явно не на стороне дважды осиротевших Крайцев. И вскоре Агнесс с остановившимся от страха сердцем услышала монотонный грохот.

- Двери! - обреченно прошептала она, в отчаянии закрыв уши руками. - Они ломают двери! Пресвятая Дева... спаси и защити, лишь на тебя моя надежда...

Но оглушающий топот поднимающихся по лестнице людей легко прорезался сквозь эту эфемерную защиту. Бесцеремонные шаги захватчиков не спутаешь ни с какими другими!

И дубовая дверь перед её глазами стала содрогаться под ударами.

Агнесс только ещё крепче вцепилась в кресло руками, словно оно могло её спасти от неминуемого позора и унижения. Остановившимися глазами девушка смотрела, как одна за другой ломаются доски, пропуская вовнутрь комнаты страшное лезвие топора. И вот хрустнул запор, дверь слетела с петель, тяжеленные сундуки разлетелись во все стороны, как пушок одуванчика. В комнату ворвалась ватага закованных в кольчуги рыцарей.

- Господь, прими мою душу! - тихо прошептала Агнесс, неистово перекрестившись и направив ожидающий взгляд на распятие.

Но увидев надменно сидящую в высоком кресле девушку в траурной вуали, разгоряченные сражением воины, тяжело переводя дыхание, почему-то нерешительно застыли на пороге.

- Фройляйн Агнесс фон Крайц? - наконец, спросил один из них.

- Да! - хрипло выдавила она, стараясь не выдать своего страха.

Рыцарь снял шлем и почтительно склонил голову.

- Меня зовут Зигфрид фон Геттенберг! Разрешите провести вас, фройляйн, к моему господину!

Девушка молчала: она была не в силах вымолвить ни слова, а ноги и руки сделались неподъемными, но рыцарь истолковал её молчание по-другому.

- Поверьте, наши действия продиктованы только заботой о вашей безопасности! Мой господин желает видеть вас и наследника Крайца. Вы не подскажите, где юный рыцарь?

Так она им и сказала! Но удовлетворение оттого, что брат сейчас уже далеко, прибавило сил, казалось, совершенно изнемогшей от страха девушке.

- Мессир фон Крайц там, где ему и положено быть! - жестко ответила она, поднимаясь с места. - Среди сражающихся за свой лен вассалов!

Рыцарь поначалу ничего не ответил, но уже потом, сопровождая юную девушку при спуске вниз по лестнице, сухо заметил:

- Мы не нашли вашего брата ни среди живых, ни среди мертвых защитников крепости, поэтому подтвердить сдачу крепости придется вам!

- А если я не пожелаю?

- Пожалейте вассалов Крайца, фройляйн! Неужели ваша совесть будет спокойна, если в уже проигранной войне продолжат погибать люди?

Но незнакомец мог и не употреблять красноречие, уговаривая юную девицу. Агнесс уже увидела, на что стал похож донжон после битвы: пороги лестницы были щедро обагрены кровью; на одном из узких поворотов перегораживали дорогу два мертвых рыцаря, ещё утром разговаривающих со своей госпожой; вокруг слышались крики и стоны.

Перед таким бедствием отступили даже собственные страхи.

- Женщины и дети? - поинтересовалась она у сопровождающего. - Что с ними?

- Они в часовне, фройляйн! Все ждут вашего решения своей судьбы!

Граф дожидался акта повиновения на втором этаже донжона в центральном зале крепости, все ещё увешанной знаменами и щитами рода Крайцев. Вокруг своего сюзерена толпились вражеские рыцари, но кое-где в страхе жались к стенам и насильно согнанные вассалы бывших владельцев.

Перед появившейся на пороге комнаты девушкой все почтительно расступились, пропуская её к хозяйскому возвышению, где испокон веков на советах или за пиршественными столами восседали поколения фон Крайцев. Теперь на этом месте стоял ненавистный граф и наблюдал за приближающейся тонкой фигуркой в траурном наряде.

Набросив спасительную вуаль на лицо, Агнесс медленно двигалась к страшному как ночные кошмары человеку. Граф был всё в тех же начищенных до зеркального блеска латах, что бросились ей в глаза несколько часов назад, и также струились по плечам серебристые, как снег волосы, обрамляя как будто высеченное из камня суровое лицо.

- Фройляйн, - жёсткий голос прозвучал в притихшем зале подобно пресловутой иерихонской трубе, хотя он явно не напрягал горла, - готовы ли вы прекратить сопротивление?

И что оставалось делать несчастной Агнесс? Подхватив юбки, она медленно поклонилась, изо всех сил стараясь держаться с достоинством.

- Мне надо через это пройти, - шептала она себе как заклинание, - это я унижаюсь, а не мой брат! А я - никто! Всего лишь слабая женщина, слово которой ничего не значит! Я не могу отдать того, что мне не принадлежит: это всего лишь военная хитрость, притворная уступка, чтобы спасти людей!

- Во имя Пресвятой Девы, прошу вас, граф, - тщательно выговаривая слова, вымолвила девушка, чтобы унять сотрясающую её дрожь, - пощадить вассалов Крайца, проявив к ним христианское милосердие и снисхождение!

- Поднимите вуаль, фройляйн!

Агнесс дернулась от унижения, но все-таки откинула с лица тонкий шелк траурной вуали, стыдливо опустив глаза, чтобы не встречаться с заинтересованными мужскими взглядами, как её в свое время учила мать. Но видимо даже этого беглого осмотра хватило графу, чтобы оценить попавшуюся добычу.

- Долг настоящего рыцаря служить желаниям столько прекрасной девы, - лицемерно заявил он,- поэтому я беру под свое покровительство эту крепость! Условия мы обсудим позже.

Кажется, это чудовище не собиралось немедля казнить оказавшую сопротивление девицу Крайц. Оцепеневшая от ужаса Агнесс, наконец-то, облегченно перевела дыхание. А когда те же рыцари, что привели её сюда, вывели девушку из залы, сопроводив обратно в отцовскую спальню, и вовсе воспрянула духом.

О недавнем кошмаре напоминала лишь кровь на ступенях да разрубленная дверь. В остальном же комната удивляла относительным порядком: в ней ничего не было разбито или разграблено. Вещи из сундуков, видимо, сначала вытащили, а затем без разбора затолкали обратно, и теперь из-под небрежно закрытых крышек высовывалось разноцветное тряпьё.

- Мессир, - обратилась к провожатому Агнесс, - в часовне находится моя тетка. Не могли бы вы приказать привести пожилую даму сюда?

- Я бы рад, но здесь всем распоряжается мой отец! Думаю, - заметив её замешательство, мягко добавил Зигфрид, - у вас вскоре появится возможность попросить графа об этом. Мессир хочет с вами поужинать наедине.

Девушка опасливо замерла. Ужин? Зачем?

- Вам нужно о многом поговорить!

Агнесс вновь охватил озноб: а она-то, дурочка, думала, что все самое плохое уже позади. Уж лучше крысы подземелья, чем оказаться наедине с этим чудовищем. Да ещё осквернить ужином с захватчиком спальню родителей!

- Мы никогда не использовали каминную комнату для

принятия пищи!

Зигфрид странно усмехнулся.

- Вам многое ещё предстоит сделать впервые. Не раздражайте моего отца упрямством! И если вы будете вести себя с подобающим смирением, то убедитесь, что слухи о жестокосердии графа сильно преувеличены и несправедливы. Миссир Пауль - человек с благородным и великодушным сердцем!

Агнесс хотела заметить графскому отпрыску, что благородные люди не разоряют чужие владения, прикрываясь надуманными предлогами, но промолчала. Вот уже второй час она находилась во власти этого зверя, но пока была жива и здорова, так зачем же дергать судьбу за усы?

- Я разделю ужин с его светлостью! - хмуро согласилась девушка.

До пленницы вдруг дошло, что раз её не лишили свободы, то можно попытаться воспользоваться подземным ходом. Возможно, удастся где-нибудь отсидеться, пока не прибудет с подмогой Густав. Брат уже должен быть далеко от Крайца. Вот только нужно прихватить с собой тетку Луизу.

Но для начала предстояло поужинать с графом, если тому взбрела в голову такая блажь. А после того как фон Геттенберг уберется восвояси, и замок заснет...

Девушка деловито заметалась по комнате. Прежде всего из тайника за камином были извлечены ценности Крайцев, накапливаемые семьей на протяжении веков: золотые с синей эмалью серьги и ожерелье матери Фридриха, унизанная жемчугом диадема бабки, серебряные с золотыми насечками браслеты от прабабки и, конечно же, Библия матери. Никогда ещё руки Агнесс не работали столь быстро, лихорадочно упаковывая ценности в кусок неприметной дерюжки. Ничего... им с Густавом они ещё пригодятся, когда придёт время восстанавливать Крайц. С Божьей помощью, всё ещё можно наладить и исправить!

Вот только ужин... Господи, как же его пережить? Как не уронить себя перед таким страшным человеком?

Все эти хлопоты заняли у Агнесс такое количество времени, что она едва справилась к началу ужина.

Оруженосцы графа внесли в комнату стол, а потом уставили его наполненными снедью блюдами. Девушка тоскливо наблюдала за церемонией. Вот эта жирная курица, скорее всего, любимая тетушкина наседка, на которую было запрещено даже смотреть, чтобы не сглазить, а теперь чужаки свернули бесценной птице голову. Хлеб тоже испечен в их пекарне, потому что только их кухарка секла верх каравая в виде решетки. Зато огромный

окорок был явно не из кладовых Крайца, так же как и серебряный кувшин с причудливо изогнутым носиком.

Оруженосцы удалились, когда их господин переступил порог комнаты.

Граф расстался с доспехами, и теперь был одет в зеленое шелковое блио без рукавов с золоченым поясом, из-под которого выглядывала нарядная остерленовая камиза, украшенная гофрированной манишкой и вышивкой в виде золотых веток на вороте, подоле и рукавах. Переливающееся фиолетовыми искрами одеяние было настолько длинным, что его подол опускался почти до огромных носков экстравагантных туфель из мягкой кожи - пигашей. В сочетании с серебристым цветом волос это платье настолько изменило вид фон Геттенберга, что он перестал одним своим видом вызывать дрожь, но от этого не стал менее опасным. Сжавшаяся от страха Агнесс, опустив глаза, наблюдала за мягко ступающими по каменному полу сафьяновыми пигашами. Она ещё никогда не видела столь роскошно разодетых мужчин.

- Фройляйн, прошу вас!

И, как само собой разумеющееся, занял отцовское кресло. Девушка почувствовала себя настолько ограбленной, какой не чувствовала, даже сдав Крайц.

- Садитесь же!

Девушка покорно опустилась на стул матери. Вот только есть ей не хотелось, хотя за последние три дня у неё практически ничего не было во рту. А здесь вкусно благоухало великолепно приготовленное мясо, исходил слезой сыр.

- Это, фройляйн Агнесс, конечно, не пиршество, но утолить голод хватит! - словно они были давным-давно знакомы, заговорил граф. - Надеюсь, вы получите удовольствие!

- Я не голодна!

Делить трапезу с захватчиком ей показалось постыдным.

- Думаете, ваши люди отравили ужин?

Услышав такое дикое предположение Агнесс, наконец-то, пересилила себя и подняла возмущенные глаза на графа.

- Мои люди никогда не совершат подобный грех!

Вблизи лицо фон Геттенберга показалось ей несколько иным: суровые чеканные черты смягчились, неожиданно светлые красивые глаза искрились насмешкой, а узкие почти бесцветные губы слабо улыбались.

- Всякое случается! Будет лучше, если вы на деле докажите, что замковая челядь не замышляет дурного. Отведайте ото всех блюд!

Рано оставшаяся без матери девушка почти всю жизнь

провела в окружении мужчин, но мало в них разбиралась. И отец, и братья искренне полагали, что отдав в штопку рубашки и потребовав порядка в доме, уделили ей достаточно внимания. Иногда они беззлобно подшучивали над Агнесс, высмеивая её страхи, но и только!

И вот теперь она мучительно соображала: как правильно вести себя с этим страшным мужчиной? Чего он от неё ждёт?

Вопросы достаточно серьезные. Ведь именно от графа сейчас зависело абсолютно всё: начиная от её собственной жизни и заканчивая существованием всего Крайца.

Ничего путного в голову не приходило, поэтому она рассеянно положила на ломоть хлеба кусок курицы, мысленно попросив прощения у тетушки за такое святотатство.

Паж графа налил ей вина. Агнесс мужественно отпила глоток, а потом удивленно приложилась ещё раз.

- Бургундское, - ответил на невысказанный вопрос фон Геттенберг. - Я люблю всё самое лучшее! И не надеясь найти на месте что-либо по-своему вкусу, всегда вожу запасы еды и питья с собой!

- Это, - задетая его высказыванием заметила девушка, показывая на птицу, - любимая курица моей тетушки. Нигде в округе нет такой огромной наседки, потому что она кормила её из собственных рук.

Граф безразлично пожал плечами и откусил кусочек.

- Жестковата! А кого из своих рук кормили вы? Не хотелось бы ранить ваше сердце ещё каким-нибудь куском жаркого!

У Агнесс не было опыта в куртуазных словесных пикировках, поэтому она сразу перешла к делу:

- Мессир Зигфрид сказал, что я могу попросить за своих родных!

- Можете, - легко согласился собеседник, - но для начала снимите эту черную как мрак вуаль!

- Я в трауре!

- Понимаю... и поверьте, искренне чту ваше горе, но хотя бы на несколько минут! Мне рассказывали, что ваши волосы так искрятся при свете огня, словно по косам танцуют язычки пламени!

Сказать, что Агнесс удивилась - не сказать ничего. После небольшой паузы она в замешательстве стащила с себя вуаль, с трудом отцепив шёлк от шитой бисером повязки.

- Кто... кто вам про это рассказывал?

Граф только улыбнулся, с жадным интересом скользя глазами по её лицу.

- Слухами полнится земля, - пояснил он, откидываясь в

кресле с бокалом вина. - Мне рассказывали, что девица фон Крайц очень красива: у неё похожие на морские волны глаза, прекрасное лицо, но холодное и надменное сердце, а губы похожи на лепестки роз, но никогда не улыбаются!

Красноречив - не придерешься, однако ей фон Геттенберг не польстил.

- Если я не хихикаю без причины как блаженная дурочка, - сухо заметила Агнесс, - это не значит, что я никогда не улыбаюсь!

Девушка сердито вернула вуаль на место.

- Но разве любовь когда-нибудь стучалась в ваше сердце?

- Разумеется, мне знакомо это чувство!

- Я могу узнать имя вашего рыцаря?

Девушка дико покосилась на собеседника. Какой ещё рыцарь? Неужели не понятно, кого она имеет в виду?

- Речь идёт о вашем брате Густаве? - моментально догадался граф о причине её замешательства.

Острая игла тошнотворной тревоги вновь кольнула было успокоившееся сердце. Фон Геттенберг был смертельным врагом, а она, словно лишившись разума, так беспечно болтает с ним.

- Я люблю своего брата!- осторожно подтвердила Агнесс.

- Но почему вы не сбежали вместе с ним, а остались в Крайце? На что рассчитывали?

Агнесс опустила голову.

- Кто-то из Крайцев должен был остаться, - тихо прошептала она,- чтобы разделить судьбу подвластных людей!

- И какой от вас прок вассалам? Когда мне сказали, что юная Крайц взяла на себя оборону замка, я не поверил собственным ушам, но потом и сам имел честь в этом убедиться, увидев на крепостной стене черную хрупкую тень. Эта вуаль реяла над вами как стяг, терпящей поражение армии!

Граф чуть помолчал, а потом со странной усмешкой добавил:

- И желание как можно быстрее овладеть этой крепостью заставило меня поторопиться со взятием другой?!

Агнесс, озадаченно нахмурившись, попыталась вникнуть в суть его витиеватой речи.

- Вы осадили ещё один замок? - спросила она со вспыхнувшей надеждой. - Значит, здесь не задержитесь?

- Я ещё не полностью захватил эту цитадель, - насмешливо возразил фон Геттенберг, - но уеду сразу же, как падет её последнее укрепление!

- Какое? - Агнесс судорожно пыталась понять, кто из вассалов Крайцев ещё продолжает сопротивляться.

Но граф неожиданно перевел разговор на другое:

- Вы о чем-то хотели меня попросить?

Девушка даже губу прикусила от стыда: как же она могла забыть?! Геттенберг окончательно заморочил ей голову.

- Моя тетя!

- Любительница кур?

Граф проглотил содержимое кубка.

- Сколько лет вашей родственнице?

- Сорок.

- Старуха, - брезгливо исказил губы собеседник, - не знаю... право слово, не знаю, но...

Геттенберг тяжело вздохнул, покосившись на побледневшую девушку.

- Гейц, - подозвал он одного из пажей, - беги к мессиру Зигфриду и, если ещё не поздно, разыщи эту женщину!

Агнесс застыла с неестественно выпрямленной спиной и уже не могла отвести остановившегося взгляда от жестких глаз захватчика.

- Что, - запинаясь, с усилием выдавила она из себя, - что происходит? Почему... может быть поздно?

Граф чуть хмыкнул.

- На войне как на войне: все молодые и сильные рабы будут либо проданы, либо отправлены в мои владения, а старые и хилые уничтожены!

- А что же будет с Крайцем?

- Этот лён я отдам в управление одному из сыновей, а тот приведет своих людей. Это наиболее лучший способ избежать смут!

- И вы не боитесь Божьего гнева?

Геттенберг пренебрежительно фыркнул.

- Не вам об этом судить! Из-за ложной гордыни Крайцы отказались решить дело миром, а теперь меня же обвиняют в жестокости?!

- Ложной гордыни? Но эти земли испокон веков принадлежат нашей семье!

Граф негромко рассмеялся.

- Однако сегодня я имею счастье видеть вас теперь уже в моем замке! Кстати, есть один нюанс: а почему вы, попросив за какую-то старую клячу, не просите за себя?

Перепуганная девушка быстро опустила голову, избегая его тяжелого взгляда, и быстро прошептала про себя коротенькую молитву.

- Как вы намерены поступить со мной? - тихо спросила она.

- Всё зависит от вас... точнее, от вашей доброй воли!

- Разве я не сдала вам крепость?

- У вас есть ещё одна! Вы отдадите её миром или опять

прикажите брать штурмом?

Агнесс стало не по себе: оказывается, этот человек был к тому же безумным! Она смотрела на графа в настоящей панике, не понимая, чего он хочет, когда вернулся оруженосец.

- Фройляйн Лаура, - бесстрастно сообщил он, - ожидает своей участи! Мессир Зигфрид спрашивает, что ему с ней делать?

Граф резко обернулся к облегченно выдохнувшей девушке:

- Что мне делать с вашей тетушкой? Решайте быстрее!

От непонимания происходящего Агнесс стало совсем плохо.

- Что я должна решить? - нервно закричала она.

Глаза фон Геттенберга опасно блеснули.

- Каким образом распорядиться собственной девственностью!

Агнесс отшатнулась от него как от воплощения самого дьявола.

Нельзя сказать, что она не знала об этой стороне жизни мужчин и женщин: кое-что влетало в уши от пересмеивающихся между собой служанок; проскальзывали фривольные темы и в разговорах мужчин. Но значительно больший успех у девицы фон Крайц имела проповедь отца Ансельма, к которому отвела племянницу тетушка, когда у девушки начались месячные недомогания. Сама Луиза имела настолько отдаленное представление о плотской жизни, что была искренне уверена: слово священника, давшего обет безбрачия, заменит осиротевшей девушке наставления матери.

- Девственность - самый главный дар, дарованный Господом женщине. Только сохранившие его девицы имеют возможность попасть в рай. А кто потеряет эту драгоценность в погоне за похотью и распутством обречены вечно гореть в Геене Огненной!

- А если меня выдадут замуж?

- И тогда женщина должна соблюдать целомудрие!

Отец Ансельм, наверное, тоже плохо представлял, о чем говорит, зато смог играючи убедить свою воспитанницу в том, что даже смерть милее, чем потеря невинности.

Вдобавок слова графа шли вразрез со всеми устоявшимися в ту эпоху канонами поведения дворянина по отношению к девицам из знатных семей, пусть даже пленённым.

Фон Геттенберг (нравилось ему это или нет!) был обязан придерживаться чётких правил куртуазного поведения истинного рыцаря. А значит: защищать вдов и сирот (а они с тетушкой хорошо подходили под это определение); не покушаться на чужое сеньориальное владение (Крайцы же были вассалами Вельфов); быть милосердным и для спасения невинных идти на поединок (а он вероломно обобрал малолетних брата и сестру)!

От возмущения Агнесс потеряла и страх, и осторожность.

- Вы, - яростно подскочила она из-за стола, - вы... я не верю собственным ушам! Граф Пауль фон Геттенберг угрожает убить пожилую даму, если её племянница... Это не достойно рыцаря! Вы ведете себя бесчестно!

Оскорбление по тем временам было нешуточным, но на фон Геттенберга её гнев не произвел ни малейшего впечатления. Мало того, судя по скользнувшей по губам улыбке, её горячность его только позабавила.

- Так каково же будет ваше решение?

- Моя невинность - не монета для обмена на жизнь другого человека. Бесчестье гораздо страшнее смерти! Надеюсь, тетя Луиза поймет меня и простит!

Но этот безбожный, невыносимый человек только рассмеялся, как будто она сказала невесть какую глупость:

- Фройляйн, вы опять совершаете одну и ту же ошибку, как и в вопросе сдачи Крайца. Речь идет не о вашем выборе, а лишь о способе, каким вы лишитесь своей драгоценности: добровольно или по принуждению? В первом случае, я оставлю жизнь старой даме, да и ваша участь значительно облегчится, уж не говоря о том, что мы прекрасно проведем эту ночь; во втором же... - он насмешливо поморщился. - Всё будет очень и очень плохо: ваша тетка погибнет, да и... насилие на редкость неприятно и болезненно для девственницы!

Агнесс задумалась, но не о предложенном выборе. Понятно, теперь она умрёт, но что хуже для Божьего суда: самоубийство или бесчестье, если и в том, и в другом случае её ждёт ад?!

Племянница позавидовала тетке Луизе: старая дева уже скоро предстанет перед Создателем и будет жить в раю.

- Не думаю, что адское пекло для меня предпочтительнее мученической смерти!

- Помилуйте, фройляйн! Вы не умрете... наоборот, такая красавица непреодолимо побуждает мужчину к созданию новой жизни! Это желание не оставляет меня с того мига, как я увидел вас на крепостной стене!

- Но подобного желания не испытываю я, - язвительно отчеканила девушка,- и если моя тетушка для вас старая кляча, то вы для меня - седой стервятник, продавший душу дьяволу!

Глаза фон Геттенберга так сверкнули, что Агнесс моментально прикусила язык, горько пожалев о своей выходке, но было уже поздно.

- Взять её!

Оба пажа с такой стремительностью скрутили девушки руки, что она и вздохнуть не успела, широко распахнутыми глазами глядя на подходящего к ней графа.

- Значит, я для тебя стар и не достаточно хорош! - больно и презрительно сжал он ей щеки грубыми пальцами. - Что же... сейчас ты получишь молодых! Много молодых...

Неизвестно, что ждет человека за последней чертой: рай или ад, а может и просто небытие, но если существует пекло, то не где-то за гранью жизни, а в реальности. По крайней мере то, что происходило во дворе Крайца во многом превосходило муки, которые расписывал для грешников отец Ансельм. Победители праздновали победу: кто-то из пленников корчился в огне, оглашая все вокруг жуткими криками нестерпимой боли и страшным запахом горящей плоти; на импровизированных виселицах болтались тела нескольких человек; мерзкий хохот сопровождал невыносимо жуткие сцены насилия над распятыми на земле женщинами.

Шокированная Агнесс почувствовала, что её сейчас вырвет, и она действительно умрет от ужаса и отчаяния, потому что ничем не может помешать этому дикому разнузданному глумлению над беззащитными людьми, когда-то доверившимся их семье.

- Посмотрите, кого я к вам привел, мои верные слуги! - голос графа заставил всех обернуться в сторону вновь прибывших. - Это она - Агнесс фон Крайц! Такая гордая и спесивая девка, что не смогла привлечь к себе женихов, даже несмотря на красоту! Она так кичится своей девственностью, что отказалась с ней расстаться даже ради вашего господина... но, может, вы ей больше придетесь по нраву?! Я отдаю её вам, мои храбрые воины!

И он с силой толкнул девушку в круг распаленных вином и вседозволенностью людей.

"Это - кошмарный сон! Такого со мной просто не может произойти!" - мелькнуло в её голове при взгляде на искаженные хмелем и похотью оскалы насильников.

Но чьи-то грубые руки уже потянулись к ней. С треском порвалась ткань материи, жуткий смрад чьего-то дыхания, жесткость земли, боль от многочисленных похотливых ощупываний...

- ...ты погляди, какие у этой девки титьки....,
- ... какая нежная кожа, словно сливки...
- ... я буду первый...
- ... куда ты лезешь: все знают, у тебя дурная болезнь!
- ... враки, я здоров...
- ... ей со мной понравится...

Голоса врывались в меркнущее от дикого животного страха сознание, и брезгливо сопротивляющееся тело напряглось в ожидании чего-то более жуткого, чем даже смерть.

- Пресвятая дева, - со всей страстью души, на какую только

она была способна, воззвала к заступнице Агнесс, - даруй мне смерть!

И видно сила молитвы отчаявшейся девушки была настолько велика, что внезапно пришло избавление.

- Всё, всё, - ворвался в сознание знакомый голос, - пошутили и хватит! Не про вас эта девушка!

- Но мессир...

- Граф был раздражен, но скоро одумается, и мне ли вам рассказывать, что он сделает с тем, кто испортит его добычу? Будете потом как мерины бегать без яиц!

Насильников как ветром сдуло и в следующий миг, чьи-то руки бережно подняли валяющуюся на земле в полубессознательном состоянии Агнесс:

- Фройляйн? С вами все в порядке?

Куда уж там! Тошнота, наконец-то, вырвалась на свободу, и бедная девушка зашлась в рвотных спазмах. Ей было настолько плохо, что только два, вылитых одно за другим ведра ледяной воды помогли ей хоть как-то прийти в себя, но на смену рвоте пришел чудовищной силы озноб.

- Святые мученики, - вдруг раздался над головой возмущенный голос тетушки Луизы,- Агнесс! Во что ты превратила свое платье, а ведь оно у тебя единственное, пригодное для траура!

Очередная глупость дражайшей родственницы окончательно привела девушку в чувство. Она подняла глаза и увидела перед собой порядком потрепанную, но живую и здоровую женщину.

- Фройляйн Луиза,- вежливо обратился к тётке мессир Зигфрид, - вы должны помочь фройляйн Агнесс привести себя в порядок прежде, чем она вновь предстанет перед моим отцом, иначе... боюсь, её испытания ещё не закончатся!

Девушка в ужасе покосилась на мужчину. Неужели всё начнется сначала?

- А что ей надеть, ведь все сундуки, - обиженно затарахтела тетка, - они же...

- У меня есть во что переодеться! - зло одернула её племянница. - Пойдем, поможете мне...

Она повернулась к Зигфриду и старательно растянула дрожащие губы в неудачной имитации улыбки:

- Вы позволите нам остаться наедине?!

- Конечно, фройляйн! - любезно поклонился тот.

Агнесс едва держалась на ногах: её колотил озноб, мокрое разорванное платье превратилось в ком грязи, но...

- Быстрее тетя, быстрее!

- Куда ты несешься, непутевая? - заворчала по своему

обыкновению родственница. - Надо было сказать этому парню, что нам нужны наши сундуки!

- Да, замолчите же вы, ради всех Святых!

Племянница волокла тетку к уцелевшей южной башне. Наверху лестницы стоял опершийся на меч рыцарь, но прихватившие горящий факел женщины тихонечко скользнули вниз, распахнув дверь в сторожевое помещение: именно там таилась искусно замаскированная дверь.

- Куда ты меня тащишь? - испуганно причитала едва поспевающая за племянницей Луиза. - Здесь кроме крыс и пауков ничего нет! Откуда же взяться платьям?

- Тетя, замолчите! Мало ли кто нас может услышать? Тише!

Агнесс с такой стремительностью тащила за собой пожилую даму, что той пришлось бежать, едва поспевая за юной племянницей.

- Здесь есть тайный выход в лес! - наконец, пояснила она запыхавшейся родственнице, когда они остановились перед дверью.

Порыв ворвавшегося в помещение сквозняка едва не задул у них факел, пока девушка растерянно разглядывала черную темноту потерны. Та почему-то оказалась открытой.

- Возможно, Густав и Хальц так торопились, что забыли плотно прикрыть дверь? - вслух удивилась она.

Зародившееся в голове страшное подозрение, может, и привело бы её к правильному выводу, если бы не отчаянный крик тетки.

- Я не пойду, - истерически завопила та, - в лесу волки! Нас разорвут на куски раньше, чем мы сделаем несколько шагов!

- Тётя, да как же ты не поймёшь - волки в нашем доме! От любой твари можно убежать или спрятаться, только не от воплощения дьявола - графа фон Геттенберга! Если хочешь жить, следуй за мной!

И она смело шагнула в мрак потерны. Тетка ворчала и возмущалась у неё за спиной, но осторожно ступающая по затянутому паутиной коридору Агнесс к ней не прислушивалась. Надежда на спасение влекла её по узкому проходу, несмотря на скопившуюся вокруг грязь и порхающих вокруг неизвестных, но противных тварей.

Внезапно из-за поворота вырвался поток пряного и прохладного лесного воздуха. Обрадованная девушка рванулась туда и выбралась из потерны.

Увы, далеко женщинам уйти не удалось. Они сделали не более сотни шагов, когда наткнулись на изрубленные тела рыцарей Крайца.

Агнесс и сама не знала, что может издавать такие жуткие звуки, но она кричала и кричала, упав на колени и раскачиваясь над трупом любимого брата.

Густав был убит ударом меча в шею, и его белокурая голова утопала в крови, натекшей из смертельной раны.

Обезумевшая от горя сестра схватила эту окровавленную голову и, прижав к своей груди, зашлась буквально звериным воем, чувствуя как от боли у неё разрывается сердце.

- О, нет, нет! Мальчик мой,- лихорадочно целовала она ледяной лоб,- мой маленький принц!

- Агнесс, Агнесс..., - трясла её за плечи испуганная тетка, - смотри!

Но девушка не желала ничего видеть и слышать.

Внезапно в её отчаявшийся разум как будто кто-то постучался.

"Пойдем с нами: мы тебя укроем, мы спасём!" - услышала девушка.

Кто это?

Агнесс изумленно вздрогнула и, подняв голову, увидела вокруг себя зловещие огоньки глаз. Волки! Очевидно привлеченные запахом крови, те столпились вокруг мертвых тел, почему-то тихонько и жалобно подвывая.

И тут послышался топот копыт множества лошадей. Факелы в руках подъехавших всадников на мгновение высветили силуэт огромного волка, который тот час растворился в окружающей тьме.

- Фройляйн, - прозвучал над её головой ненавистный до дрожи голос, - фройляйн Агнесс, отпустите мертвеца! Вы не сможете вернуть ему жизнь!

И грубые мужские руки силой вырвали у сестры тело покойного брата. Обезумевшая от боли девушка огляделась: вокруг неё стояло несколько рыцарей во главе со своим господином.

- Вы знали, что мой брат мертв?! - с ненавистью посмотрела она на графа.

- Догадывался, но не был в этом уверен. Мало ли, кого случайно могли убить мои люди!

- Чем же помешал вам ребенок?

- Дети быстро растут! - лаконично ответил фон Геттенберг и сделал знак свои людям.

К ней подвели лошадь. И только тут до Агнесс кое-что дошло.

- Но мы же не можем бросить моего брата здесь! - взмолилась она, на мгновенье забыв про вражду к фон Геттенбергу. - Его нужно похоронить как христианина! Он ведь последний на земле

фон Крайц!

- Если хотите, чтобы вашего брата не растащили на закуску волки, и он получил достойное погребение, нужно научиться просить!

Агнесс поспешно рухнула на колени.

- Этого мало! Вы готовы были пожертвовать жизнью фройляйн Луизы, но неужели даже вечный покой и спасение души юного Густава не стоят вашей гордыни?

Она устала, невероятно и страшно устала, к тому же потеряла цель в жизни. Единственное, что осталось у полностью обездоленной девушки - мёртвое тело горячо любимого младшего брата.

- Я сделаю всё, что вы хотите, - безразлично опустила голову Агнесс, - если позволите мне похоронить брата как последнего владельца Крайца в фамильном склепе и с подобающими почестями!

- Однако, фройляйн, - после недолгого раздумья заметил хмурый граф, - вы умеете торговаться! Моё сердце становится мягче воска, когда дело касается просьб хорошеньких девушек.

Гроб с телом юного Густава был выставлен на высоком постаменте в окружении щедро предоставленных графом свечей. Брат Ансельм читал заупокойные молитвы, а Агнесс и Луиза стояли на молитве у траурного одра.

Женщины смутно сознавали, что за стенами часовни происходят какие-то события: иногда до них доносились непонятные звуки, грохот, крики, но они обе сознательно отключили сознание от мирских событий, полностью погрузившись в молитвы.

Вечером им приносили немудреную еду, и женщины вновь продолжали свое бдение у гроба, окончательно отупев от усталости и горя. Думала ли Агнесс о том, что будет с ней, когда тело брата будет предано земле? Нет! Она боялась оскорбить память покойного столь черными мыслями.

Воздух в здании был спёртым: чад от множества свечей смешивался с приторно-сладковатым запахом разлагающегося тела. Однако дамы фон Крайц это заметили в тот момент, когда двери часовни распахнулись на всю ширь, и их молитвенное уединение бесцеремонно нарушили чужаки.

Во главе своих людей стоял, разглядывая скромное убранство часовни, сам граф.

- Ваше время вышло, фройляйн Агнесс, - громко заявил он, - мессиру Густаву пора присоединиться к своим предкам.

Обессилившая девушка покорно наблюдала, как забивают гроб и, подняв плиты пола, опускают тело брата в черноту

семейного склепа. Последний фон Крайц успокоился рядом со своими дедами, отцом и братьями.

Чуть покачиваясь от невыносимой усталости, она вышла на ступеньки паперти. Прищурившись от яркого света, судорожно вдохнула свежий воздух и потеряла сознание.

ВАЦБУРГ.

Агнесс не помнила, что с ней происходило после похорон брата: измученный болью разум плохо реагировал на происходящее вокруг. Её вроде бы будили, тормошили, но она, едва открыв глаза, вновь уходила в мир тяжелых сновидений.

Способность воспринимать окружающий мир вернулась к ней только на третий день, и то только потому, что девушку неожиданно сильно тряхнуло.

- О... - застонала она, распахивая ресницы.

Над племянницей склонилась встревоженная Луиза.

- Слава тебе, Пресвятая дева, наконец-то пришла в себя! Разве можно столько спать?

- Где я? - Агнесс удивленно уставилась на грязное колыхающееся полотно перед глазами.

- В повозке, - тяжело вздохнула родственница. - Граф приказал нам следовать в его город - Вацбург.

- А Крайц?

Тетка замялась.

- Теперь там гарнизон графа! Но зато нам оставили сундук с нашими платьями! - оживленно добавила она, твердо уверенная, что столь приятное известие повысит настроение племяннице, потерявшей ленное владение и почти всех родственников.

Агнесс даже пожалела, что пришла в себя. Она по своему любила Луизу, но старая дева иногда доводила племянницу до головной боли. Вот и сейчас! Радуется каким-то тряпкам, когда они обе лишились дома, вассалов, будущего!

- У графа в Вацбурге роскошный двор, - между тем, оживленно вещала старая дева, - празднества, рыцарские турниры, состязания трубадуров! Хорошо, что хоть будет в чем показаться в изысканном обществе!

- Какие праздники, тетя? Мы похоронили всех родственников!

- Но сами-то, слава Всевышнему, живы! А что Бог дал, то и взял!

- О, Пресвятая Дева, дай мне терпения! Мы не гостьи графа, а его пленницы!

Но тетка отнеслась к такому напоминанию с обескуражившей девушку беспечностью.

- Я, - таинственно прошептала она, опасливо покосившись на

возницу, - ещё в Крайце слышала, как граф разговаривал с мессиром Зигфридом. Фон Геттенберг решил взять тебя под опеку и уже отправил гонца к герцогу Баварскому.

Агнесс устало хмыкнула.

- И что это изменит в нашей судьбе?!

Луиза только снисходительно взглянула на недогадливую девчонку.

- Ох, дорогая, я поражаюсь твоей глупости. Конечно, изменит! Ты будешь принята при дворе графини и воспользуешься всеми привилегиями благородных девиц. И кто знает, может, найдется благородный рыцарь, который польстится на твою красоту...

У Агнесс не было желания и дальше слушать эти дурацкие измышления: она отвернулась от болтливой родственницы и вновь заснула.

Луиза фанатично преклонялась идеалам рыцарства. Ни разу не покидавшая Крайца старая дева была прекрасно осведомлена о событиях, происходящих при дворах высочайших особ.

В их замке всегда находили горячий приём паломники, клирики и монахи, странствующие певцы и сказители. Эти люди за миску похлебки охотно насыщали уши любопытной девы Крайц всяческими сплетнями о сильных мира сего и весьма далёкими от реальности историями.

Если бы у барона фон Крайца было побольше твердости, он давно положил конец фанабериям Луизы, выдав её замуж за подходящего человека, но тот любил и жалел сестру, охотно прощая ей все чудачества.

И вот теперь мечты старой девы сбывались. Она отправлялась в место, где жили герои её романтичных грез: отважные рыцари-кавалеры и прекрасные дамы. Наконец-то, она увидит рыцарское ристалище и услышит настоящих минезингеров, а не бродячих, всегда простуженных фигляров. И если из-за возможности попасть в это райское место пришлось пройти через ад разгромленного замка, то за всё в этом мире надо платить.

Однако упрямая племянница не желала обсуждать столь блестящие перспективы, угрюмо пялясь в стенку повозки. Тетка настолько ей надоела, что когда Зигфрид предложил пленнице проехаться верхом, она охотно согласилась.

- Граф с рыцарями опередили нас? - сухо поинтересовалась Агнесс, угрюмо оглядев череду повозок с награбленным добром.

Мычали коровы, блеяли перегоняемые отары овец, в клетках везли уток и гусей, мешки с зерном, и она даже узрела резную спинку привязанного к телеге отцовского стула.

- Нет,- качнул головой в рогатом шлеме наследник фон Геттенберга, - граф уже давно дома. Отец терпеть не может

тащиться с обозами; он и в Крайце-то задержался только из-за вас! А когда понял, что вы не сможете его сопровождать, решил заняться другими делами.

Облегчение свалилось на Агнесс как внезапно подаренный праздник. Даже недолгое отсутствие графа воспринималось ей Божьим благоволением.

Девушка и молодой мужчина неторопливо ехали во главе обоза и разговаривали:

- Геттенберги получили в управление свои земли ещё при императоре Людовике Немецком, но наши дела были отнюдь не блестящими, когда графская корона оказалась на голове моего отца. Ему пришлось немало потрудиться, чтобы вернуть былой блеск нашему роду! Он в пять раз увеличил владения, обогатил казну... - тут молодой человек сделал многозначительную паузу, а потом уверенно добавил: - Граф Пауль - великий человек!

- А какая у вас семья? - славословия врагу были неприятны Агнесс, и она перевела разговор на другую тему.

- О, - весело рассмеялся собеседник, - нас много! Отец был женат четыре раза. Моя последняя мачеха - дама Берта из герцогского дома Церингенов лишь немного старше вас, и сейчас готовит для нашей семьи очередное прибавление. К тому же у меня четверо братьев и три сестры: правда, дома осталась лишь самая младшая, остальные замужем!

- Вы женаты?

- Да, моя жена - дама Генриетта де Вотрез из Бургундского герцогского дома! В прошлом году она родила мне сына.

- Скажите, мессир Зигфрид, а много ли опекаемых сирот в замке вашего отца?

- Иногда бывают.

- И что с ними происходит потом?

Зигфрид нахмурился: ему не понравился сарказм в голосе собеседницы.

- Надеюсь, что эти дамы вполне счастливы с выбранными отцом мужьями! По крайней мере, я ни от одной из них не слышал жалоб!

Агнесс задумалась. Внезапная надежда вдруг озарила её душу. А что, если фон Геттенберг просто испытывал пленницу и вовсе не намеревался обесчестить несчастную сироту?

Но она быстро выкинула эти глупые иллюзии из головы: настолько зло и бесчеловечно не ведут себя порядочные люди по отношению к беззащитной юной девушке, в какие бы благородные одежды не рядил сейчас своего отца Зигфрид.

- Мой отец - человек особенный, - молодой человек моментально догадался, почему помрачнело её лицо, - и ему

многое позволено из того, что для других неприемлемо! Если вы пойдете навстречу его желаниям, то никогда не пожалеете об этом. Поверьте, фройляйн Агнесс, это совет вашего искреннего друга.

Обоз с трофеями втянулся в улицы Вацбурга только к вечеру пятого дня пути. Скотину сразу же отсекли от отряда уже перед городскими воротами, а вот остальные повозки так и продолжали двигаться по узким улочкам довольно большого города, раскинувшегося у подножья холма, на котором возвышался грозный замок с горделивой, квадратной башней донжона. Отовсюду сбегались люди, чтобы посмотреть на графскую добычу. Их любопытство настолько унижало бедную Агнесс, что она плотнее закуталась в вуаль, и всё равно ей казалось, что взгляды зевак прожигают шелк насквозь. "Горе побежденным!"

Но это ещё было полбеды. Теперь, когда встреча с ненавистным фон Геттенбергом приближалась, страх и беспомощность поразили девушку подобно судороге, сковав всё тело и не позволяя даже толком перевести дыхание.

" Пресвятая Дева! Я не могу его видеть, - в панике думала она, - не вынесу этого ещё раз!"

- Увы, фройляйн Агнесс, нам не повезло, - вдруг обратился к ней, принимающий приветствия горожан Зигфрид, - торжественной встречи не будет! Отца нет дома.

- С чего вы это взяли? - пленница едва не заплакала от облегчения.

- На донжоне нет его орифламмы. Видимо, граф куда-то срочно отлучился!

Таких больших замков девушке ещё не приходилось видеть: настоящая каменная твердыня! Высоченные стены когда-то имели всего лишь одну четырехугольную башню донжона, а потом к ней постепенно начали пристраивать большие и малые помещения караульных башен, часовню, людские службы. В центре двора вырос господский палас, и его отгородили от хозяйственного двора ещё одной стеной. И теперь всё это вместе превратилось в такой причудливый архитектурный ансамбль с изощренно запутанными лестницами и переходами, в котором человеку несведущему легко было заблудиться.

В огромном приемном зале их встретила графиня Берта фон Геттенберг - хрупкая, нежная женщина с серыми глазами и огромным животом будущей матери. В окружении своих дам она блуждала среди выставленных напоказ трофеев из Крайца, с откровенной скукой разглядывая содержимое сундуков.

- Зигфрид, - обрадовалась женщина пасынку, - наконец-то! Мы уже все глаза проглядели!

И она лукаво покосилась на смуглую, также беременную черноволосую женщину, стоявшую чуть поодаль. Очевидно, это и была жена Зигфрида.

- Я спешил, - заверил младший фон Геттенберг мачеху и супругу, - но обоз - дело неспешное и хлопотное! Пользуясь случаем, я хочу вам представить фройляйн Агнесс.

- Да-да, - с досадой отмахнулась графиня, словно девушка была докучливой мухой, - мой супруг предупредил нас о девице. Ей выделено помещение в западной башне!

И она тяжело, всей грудью вздохнула:

- А твой отец нас опять покинул: какие-то дела то ли в Тюрингии, то ли в Баварии... я не поняла! Но ты же его знаешь - граф собирается в путь моментально, и никогда нельзя понять: куда направляется?!

- Наверняка, у графа были серьезные основания покинуть любимую женщину! - уважительно поклонился Зигфрид мачехе. - Он всегда скучает по своей красавице жене!

Агнесс тихо стояла за его спиной, с тоской осознавая, что в этом доме свои порядки, давно и прочно сложившиеся отношения, и ей придется туго, пытаясь хоть как-то к ним приноровиться. Уже сейчас, наблюдая за поведением двух молоденьких женщин, девушка догадывалась, что это отнюдь не самые приятные дамы на земле.

Комната, которую выделили пленницам, находилось как раз над караульным помещением. Когда-то через неё проходила крутая лестница, по которой на стену поднимались дозорные. Впоследствии лестницу убрали, а помещение разгородили хилой перегородкой на две части, забив их различным хламом. Теперь же одну из кладовых освободили для девиц фон Крайц. Тесная и мрачная каморка из не оштукатуренного камня мало подходила для жилья. Около узкой затянутой промасленной бумагой бойницы притулилась жесткая лежанка, на стене висело распятие, а в угол слуги едва втиснули сундук с нарядами. Но неунывающая тетка вовсе не расстроилась.

- Отдельная комната - это совсем неплохо, - радовалась она, - у нас дома мы жили вместе с пятью девушками!

Агнесс со светлой грустью вспомнила свою уютную и теплую спальню, устроенную над каминной комнатой, где рядом с ней действительно спали и тетка, и близкие девушки. Там они занимались рукоделием, болтали, слушали страшные сказки и истории. Как же было хорошо и весело!

- Здесь мы повесим какой-нибудь кусок ткани, и от стены не будет так нести сыростью, а вот тут... Со временем, может, вышьем гобелен?!

Дверь распахнулась, и в комнату втащили отцовский резной стул.

- Мессир Зигфрид распорядился поставить его сюда!

Когда дверь за слугами закрылась, Агнесс с облегченным вздохом опустилась на знакомое сидение.

- Что в сундуке? - деловито поинтересовалась она.

- Не знаю,- пробормотала тётка, кидаясь к сундуку. - Мне не разрешили выбирать вещи: мессир Зигфрид распоряжался сам.

На самом верху лежала материнская Библия - самая дорогая вещь в Крайце. Странно, что захватчики решили оставить её ограбленной девице!

Дальше шли несколько штук добротного разноцветного сукна, кусок темного дамаста и отрез златотканой парчи, а также шелк трех цветов для вуалей, и никаких платьев! Да и ткани явно не из кладовых Крайца!

Женщины растерянно переглянулись, переведя взгляд на свои порядком потрепанные и пропылившиеся платья.

- В таком виде нас не пустят даже на кухню, - в кои-то веки проявила здравомыслие тетушка. - Может, они просто перепутали сундуки? И занесли нам чужие вещи?

- Это наша Библия, - вздохнула Агнесс, с натугой поднимая тяжелую книгу. - Здесь на полях заметки, сделанные рукой матери...

В семье Беатриче считали нужным учить столь необходимой негоциантам грамоте не только мужчин, но и женщин.

- Это нужно, чтобы тебя не обманывали торговцы и всякие ловкие пройдохи, - пояснила мать Агнесс, также усадив её за учебу. - Мужчинам, чтобы защищать свои земли, не особенно пригодится грамота, но нам без неё нельзя.

Вот так и получилось, что ни барон, ни его сыновья книжной премудростью головы себе забивать не стали. И только Агнесс читала материнскую Библию домочадцам в долгие зимние вечера, переводя мудреные латинские обороты на родной язык.

Надо сказать, что такое положение вещей было нормальным для той эпохи. Женщины из знатных семей зачастую получали более лучшее образование, чем вечно занятые турнирами и бранными подвигами мужчины.

Ткани, конечно, были хорошими, но не могли заменить женщинам собственных платьев.

- Передайте мессиру Зигфриду, что нам занесли не наш сундук! - в конце концов, позвали они служанку.

Графский сын не заставил себя ждать.

- Всё правильно, всё верно, - успокоил он женщин, - ваши наряды пострадали во время взятия замка, были разорваны и

испачканы... - виконт смущенно развел руками, - к тому же королева Алиенора ввела новую моду на женские платья! Мой отец распорядился, чтобы вам выдали ткань, завтра придут портнихи, и вместе вы сошьете новый гардероб, в котором не будете чувствовать себя неловко!

Что же, пришлось проглотить и это!

Более близкое знакомство с графской семьей состоялось уже после того, как они приоделись в новые туалеты.

Неожиданно Агнесс понравился фасон, введенный в моду английской королевой.

Блио состояло из лифа, широкой ленты, акцентировавшей талию, и длинной юбки с разрезами по бокам. Оно подчеркивало стройность и, плотно облегая грудь, живот и бедра, делало женскую фигурку весьма изящной.

Дама Берта отдыхала в окружении близких дам и невестки в своей огромной спальне, порядочную часть которой занимала широкая кровать под алым бархатным балдахином, расшитым графскими леопардами. Стены комнаты были оштукатурены и покрыты светлой краской, по которой тонкими красными линиями мастеровые нанесли рисунок, изображающий кирпичную кладку. Женщины с рукоделием в руках притулились поближе к окну и слушали наигрывающего на лютне пажа. В центре группки восседала, капризно держась за чрево, графиня и с видимой скукой слушала музыку.

Взгляд сиятельной дамы, брошенный на двух пленниц, не выразил ничего кроме раздражения, что её потревожили.

- А, это девицы Крайц, - лениво процедила она, - наконец-то... Мой супруг решил, что время до замужества вы проведете в нашем доме, поэтому можете присоединиться к дамам. Бездельничать не получится: в доме всегда много работы. Будете шить, и иногда выполнять мои поручения.

Но в результате за шитьем с остальными дамами сидела только Луиза, её же племянница, сбиваясь с ног, бегала с поручениями сумасбродной графини по всему замку.

Графине Берте хотелось то вина, то яблок, то сыру. Она часто просила девушку проводить её в отхожее место, а иногда жаловалась на изжогу и посылала к замковому капеллану за святой водой.

В обязанности Агнесс также входило таскать за ней по всему дому шкатулку с рукоделием. Для девушки, плохо ориентирующейся в таком запутанном месте, это был нелегкий труд, поэтому к ночи у неё ныли натруженные ноги. Зачастую вынужденная исполнять какой-нибудь очередной каприз графини Агнесс оказывалась без обеда, и хорошо, если тетка могла утаить

для племянницы хотя бы кусок хлеба с сыром. Но больше всего девушку утомляла даже не необходимость кружиться вокруг беременной дамы дни напролет, а очевидная ненужность и бесполезность её работы.

В замке не было недостатка в слугах, и зачем гонять по всему дому чужачку, которая все исполняла в три раза медленнее и часто путалась?

Ясность в этот вопрос внесла тётушка, с жалостью растирающая горящие ноги племянницы.

- Графиня тебя терпеть не может. Говорит, что ты дерзкая и непочтительная девица!

- Почему? - изумилась Агнесс. - Я делаю всё, что она требует, не жалуясь и не ропща!

- Может, именно это ей и не нравится?

Девушка устало хмыкнула.

- Она настолько глупа?

- Нет, - возразила тетка, - графиня вовсе не дура. Она прекрасно знает, чего хочет!

- И чего же?

- Чтобы её супруг любил только свою жену! А ты у нас всегда была хорошенькой, вот она и беспокоится...

Странно, но погрузившись в глупую суету, постоянно куда-то спешащая Агнесс перестала думать о графе. Нет, она не забыла о его существовании, ведь о фон Геттенберге беспрестанно говорили все окружающие её люди, но девушка выбросила из головы их последний разговор над трупом несчастного Густава, и теперь слова тетки напомнили о той страшной ночи.

По коже бедной девушки прошла волна крупной пронзительной дрожи.

- И тебя ещё почему-то недолюбливает юная фройляйн Марта - дочь его светлости, - тетка устраивалась рядом под одеялом, отчаянно крутясь на тощем тюфяке. - Вот уж, действительно, надменная и спесивая девица: ото всех воротит нос!

- А ещё меня терпеть не может дама Генриетта, - устало зевнула девушка, прижимаясь к теплому боку родственницы, - и окружение графини, и весь мир вокруг!

- Знаешь, - не отставала от неё тетка, - в замке только и разговоров, что об огромном волке, недавно появившемся в окрестностях Вацбурга. Режет скот, нападает чуть ли не в открытую...

- Нас - Крайцев волками не удивишь!

- Твой отец никогда ими серьезно не занимался, вот и развелось их непомерно! В доме не было ни одной волчьей шкуры!

Угли в жаровне обычно быстро прогорали, и по ночам в их клетушке становилось холодно. Тонкая дерюжка, служившая одеялом, совсем не согревала, и измученная Агнесс долго не могла уснуть.

Но неожиданно у юной пленницы появился друг и в этом недобром семействе.

На Эрвина Агнесс наткнулась случайно. Пробегая по очередному требованию графини вниз по лестнице, она увидела, что на нижней ступеньке сидит мрачный мальчик лет десяти и уныло смотрит на разорванную рубаху. Был он порядком грязен, а также светловолос и хрупок, сразу же пронзительной болью напомнив девушке об убитом младшем брате.

- Что такое, дружок, - ласково присела она рядом, - порвал рубашку?

- Ну, - буркнул тот, безуспешно пытаясь стянуть рваные края на плече, - зацепился, а она порвалась! Теперь Фриц опять будет ругаться и ворчать, что я неуклюжий медвежонок!

- Нет, - грустно рассмеялась Агнесс, нежно пригладив его торчащие во все стороны грязные, выгоревшие на солнце волосы, - ты не похож на медвежонка! Скорее на олененка!

- Олень - это добыча, а я не хочу стать добычей!

- Олень - это сила, грация, красота, скорость! - ласково заметила она. - Многие сильные и смелые рыцари носят его изображение на своем гербе.

- Но у моего рода уже есть герб, зачем мне какой-то олень?

Агнесс решила, что перед ней какой-нибудь графский воспитанник, отданный родителями на выучку к сильному и богатому родственнику, и тут же пожалела паренька. Если ей - взрослой и сильной девушке было здесь настолько трудно, что уж говорить о слабом ребенке!

- Давай, я зашью тебе рубашку, - предложила она, - и Фриц ничего не узнает!

Неожиданно мальчик посмотрел на неё уж слишком по-взрослому, и Агнесс стало не по себе от пронзительно-пристального взгляда.

- Мне будет приятно носить рубашку, заштопанную столь прекрасной девой, - моментально скинул он камизу, обнажив худенькие выпирающиеся ключицы, - а Фриц... Я его ничуть не боюсь. Вряд ли он по этому поводу пожалуется отцу!

- А кто твой отец? - без особого интереса спросила она мальчика, аккуратно складывая рубашку. - И как зовут тебя самого?

Тот настолько удивленно покосился на неё, что Агнесс смутилась.

- Меня зовут Эрвин, а мой отец - граф фон Геттенберг. И если мачеха родит ему ещё сына, я перестану быть самым младшим из братьев!

Агнесс только вздохнула: и сыновья врагов могут быть забавными мальчишками.

- Быть младшим не так уж плохо, - заметила она, - все тебя любят, жалеют!

- Мне скоро тринадцать лет! А жалость унижает рыцаря!

Точно также говорил, злясь на опеку сестры, когда-то и Густав.

- Но, дружок,- ответила она Эрвину, как отвечала и брату, - без неё тоже не обойтись. Ведь никто не появляется на свет с мечом в руке! Чтобы человек набрался сил для грядущих битв, его нужно любить.

Мальчик недоуменно воззрился на девушку.

- Ты - забавная! - подытожил он свои наблюдения. - Я приду за рубашкой вечером!

Честно говоря, ей удалось сделать всего лишь пару-тройку стежков, когда графине опять что-то понадобилось, поэтому штопала камизу ворчащая Луиза.

Эрвин пришел в их каморку довольно поздно.

Агнесс расслабленно откинулась на спинку отцовского кресла, закрыв глаза и вытянув ноги. В сумраке помещения можно было помечтать о Крайце, вспомнить прогулки по родному лесу, свою уютную спальню, мать, отца, (думать про братьев девушка себе запрещала - уж слишком горько становилось на душе). Если бы ещё не мешало грезить голодное бурчание в животе. Хотя в этом была и хорошая сторона: тетка удалилась в поисках пищи и не действовала на нервы бесконечными причитаниями.

Вот в этот момент и появился на пороге младший графский отпрыск.

Агнесс улыбнулась.

- Твоя рубашка готова, хотя, если честно, заштопала её моя тетя, но она тоже искусная портниха. У меня не хватило времени на рукоделие!

- Дама Берта изведет своими придирками, кого угодно, - проявил неожиданную проницательность юнец, с интересом разглядывая их убогое жилище. - Она и меня пробовала гонять, но Фриц ей быстро объяснил, что к чему!

Девушке не понравилось неуважительное отношение мальчика к мачехе.

- Графиня носит ребенка, а женщины в таком положении ведут себя не всегда сдержанно, - пояснила она. - Мужчины же должны в любом случае быть по отношению к ним добрыми и снисходительными!

- Я такой и есть, - хмыкнул мальчишка, натягивая заштопанную камизу, - но Фриц говорит, что чёрная кошка останется чёрной, даже если её испачкать мелом!

- Кем тебе приходится Фриц?

- Мой воспитатель - дядя отца!

Агнесс покосилась на ночь за окном.

- Однако дети твоего возраста уже должны быть в постели!

- А Фриц и послал меня спать, а сам ушел почесать язык в караульную к рыцарям, вот я и воспользовался этим!

Девушка рассмеялась, но сказать ничего не успела, потому что за дверью раздался чей-то возмущенный рык:

- Это не мальчишка - вьюн какой-то! Только отвернешься, а

его уже нет! Да будь все проклято! Пусть Пауль сам бегает за чертенком по всем переходам, а у меня уже и годы, и ноги не те!

- Это комната целомудренных девиц, - раздался в ответ возмущенный крик тетки Луизы. - Куда вы претесь, невоспитанный медведь!

- Эрвина видели у этой башни. Пошла прочь, не мешай... старуха!

Дверь распахнулась и на пороге показалась ругающаяся парочка. Шагнув одновременно, они умудрились застрять в проеме: тетка с лепешкой в руках и действительно похожий на медведя лохматый и заросший седой бородой пожилой мужчина. Он был настолько большим, что занял собой практически всё свободное пространство комнаты.

- Ну что, постреленок? - загрохотал рыцарь. - Опять мне браться за розги? Зачем тебе понадобилась эта девушка?

Агнесс мельком скользнула глазами по покрасневшему от злости Эрвину и поспешила на защиту:

- Я потеряла сегодня на лестнице гребень, - пояснила она Фрицу, - а ваш воспитанник нашел его и принес!

Тот фыркнул с такой силой, что по плошке с жиром заметалось пламя.

- Как же, будет Эрвин бегать с гребнями! Из него уже пытались сделать пажа, так он вылил на платье своей мачехи ночной горшок, и даже ухом не повел, когда его высекли, да ещё и нахамил светлейшей даме. Граф хотел ему язык укоротить, едва удержали!

- Отец меня любит! - буркнул насупившийся Эрвин, волком глядя на воспитателя.

Агнесс поняла, что пора вмешаться. Со вздохом потянулась она за своим гребнем и жестом подозвала к себе графского отпрыска.

- Подойди сюда!

- Это ещё зачем?

- Я тебя причешу!

У мальчишки побагровело лицо. Однако вместо того, чтобы с негодованием отринуть неприятное предложение, горестно поморщившись, он покорно встал на колени.

- Вот дела, - пораженно ахнул пожилой мужчина и растерянно опустился на крышку сундука, - чего только не увидишь, на ночь-то глядя! Как же вам, фройляйн, удалось укротить этого дикого зверька?

Агнесс только нахмурилась, метнув неприязненный взгляд на рассевшегося на её сундуке невежу.

- Чем говорить всякие глупости о бедном ребенке, - заметила

она, с тоской оглядывая спутанные в единый колтун грязные волосы, - следили бы за ним лучше! Никогда не видела, чтобы маленький шевалье был таким же грязным, как никчемный раб!

- Молода ты ещё, девчонка, - загрохотал возмущенный рыцарь, - чтобы упрекать меня! Попробуй-ка сама его усадить в ушат с водой, так он тебя обдерет, как дикая кошка! Не могут его скрутить даже впятером!

Девушка с тяжелым вздохом заглянула в разъяренные и одновременно смущенные синие глаза.

- Я выкупаю тебя так, что мыло в глаза не попадет, - пообещала она, поднимаясь с места, - пойдем!

- Но... - ахнула тетка, - ты же ещё ничего не ела! Да и...

- Ночь на дворе, - вторил ей совсем опешивший Фриц, - какое купание! Где воды-то взять!

Да и сам Эрвин был явно не в восторге от такого предложения.

- Я уже взрослый, чтобы меня купала девушка!

Отвечала им Агнесс по порядку и начала с мальчишки:

- Успокойся, - повязала она передник, - я понимаю, что ты уже стыдишься, и не буду смотреть, куда не следует! Но даже взрослых рыцарей иногда моют дамы: в этом нет ничего зазорного!

- В доме полно слуг! Куча дармоедов сейчас точит языки на кухне! Найдете, кому согреть котел воды и принести несколько ведер холодной! Да и ушат, я думаю, у вас имеется!

И уже напоследок устало объяснила тетке:

- Я потом съем лепешку - перед тем, как лечь спать!

В этот период средневековья люди ещё не боялись воды, любили её, и в каждом замке хранились лохани и принадлежности для купания. Страх придет позже, когда горе-лекари сделают вывод, что через поры отмытой кожи в тело проникает чума, уничтожившая в следующем столетии половину Европы.

Графские отпрыски и другие неженатые мужчины семейства фон Геттенбергов так же, как и знатные рыцари, подвизавшиеся при графском дворе, обитали в восточной сторожевой башне, почти равной по величине господскому паласу. Оглядев увешанные щитами, кольчугами, копьями и луками стены огромной комнаты, кое-как подметенный пол и паутину в углах, Агнесс со вздохом поняла, что женщины здесь вообще не бывают. Помимо склада разнообразного оружия, здесь ещё стояли покрытые овчинами лавки, где спали обитатели комнаты, да несколько огромных сундуков с одеждой. На самом видном месте красовались несколько гербовых щитов; на одной стене висело

большое деревянное распятие, а на другой - истыканная ножами мишень.

Пока Фриц своим зычным голосом, от которого позвякивали кольчужные латы, распоряжался насчет воды и ушата, девушка пыталась освоиться в этом месте.

- Где ты спишь? - ласково спросила она Эрвина.

Тот ткнул пальцем на одну из лавок.

- А кто спит на остальных?

- Фриц, его оруженосец, братья... их сейчас нет дома!

Очевидно, граф отдал всех сыновей под присмотр дяди и, судя по обстановке, тех отнюдь не баловали! Даже прислуга отдыхала на более мягких соломенных тюфяках, чем истертые облезлые овчины, служащие подстилками юным рыцарям. Не заметила Агнесс в этой комнате даже следа столь милых сердцу любого мальчишки камешков, перышек, забавных коряг или раковин.

- Где твоя одежда?

Эрвин откинул крышку одного из сундуков.

- Ты уже взрослый и должен знать, что юноша, не желающий следить за собой, всегда будет казаться окружающим жалким и беспомощным, - пояснила она, выбирая чистое бельё.

- Эй, девушка, - возмущенно загудел за её спиной пожилой рыцарь, - не тому ты учишь мальца! Главное на поле боя - смелость и отвага, а не щегольство! Воин не должен бояться залезть в грязь или испачкать платье.

- Но он не должен отказывать и от чистой воды, мыла, аккуратной одежды!

- На это есть оруженосцы. И вообще, лучшее украшение рыцаря - кольчуга, копье, щит и верный конь!

Агнесс, терпеливо вздохнув, заглянула в лицо юнца.

- Сам решай, дружок! Кому ты хочешь нравиться - девушкам или своему коню?

В ушат Эрвин влезал с видом мученика христианина, шествующего на арену со львами.

Девушка с улыбкой закрепила косы вокруг головы и взялась за мыло.

Она действовала машинально, ведь когда-то сколько раз помогала матери купать младших братьев. В два движения намылив волосы, она помассировала кожу, и, ухватив за нос, задрала лицо купальщика и моментально смыла пену.

- Всё, дружок! Теперь можно поплескаться в воде - она теплая, ласковая... ну-ка, покажи мне ноги!

Эрвин был столь худ, что его кожа казалась прозрачной и мягкой, как у маленьких детей. Намыливая, щекоча и

ополаскивая этого мальчишку, Агнесс и сама не замечала, как счастливой улыбкой расцветают её губы, как оттаивает сердце, и только нежданно повисшие на ресницах слезы болезненно дали понять, что она начинает приходить в себя после страшной ночи взятия Крайца.

- Ты плачешь? - тут же разволновался отфыркивающийся от воды Эрвин. - Я тебя обидел?

- Что ты, - девушка ласково нажала на кончик мокрого носа, - ты мне подарил радость! Я вспомнила родной дом и тех, о ком боялась вспоминать!

Тогда она ещё не знала, насколько круто изменилась её жизнь в тот момент: Агнесс стало просто грустно.

- Фройляйн? - Эрвин мягко взял её за руку. - Вы не расчешите мне волосы?

- Да, конечно!

Она осторожно вычесала из мокрых локонов колтуны. Нахмурившись, удалила гнид, а потом заплела передние пряди и, перетянув тоненьким шнурком лоб, закрепила прическу.

- Так удобнее бегать: косички не будут лезть в глаза. Не могу понять: какой у тебя цвет волос?

- Белый, фройляйн! Как у отца. Нас из-за этого ещё называют Серебряными швабами, а вот мои братья все рыжие!

Агнесс с горечью кивнула головой: лучше бы и Эрвин оказался рыжим! А она-то думала, что его вихры просто выгорели на солнце.

- В следующий раз, когда нужно будет искупаться, сразу же присылай за мной. Я тебе помогу! А теперь укладывайся спать: час уже поздний!

Назад через двор крепости валящуюся с ног от усталости девушку сопровождал оруженосец графского дядюшки:

- Фройляйн! - сказал он напоследок. - Мессир Фриц благодарит вас за мессира Эрвина и надеется, что ваше будущее в семье фон Геттенбергов окажется счастливым!

Агнесс натянуто улыбнулась. Старый рыцарь, конечно же, хотел поддержать её, но.... что хорошего могло с ней произойти в этом доме?

Однако уже в следующую минуту девушка поняла, что была не права: кое-что для неё мог сделать и мессир Фриц. Сияющая тетка ждала её рядом с сундуком, на крышке которого были разложены: половина зажаренного цыпленка, кусок сыра, полкаравая хлеба, а также стоял кувшин с простоквашей

- Вот, - удивленно произнесла Луиза, обескураженно разводя руками, - принесли на ужин. Да ещё с поклоном... Раньше я и чёрствой лепешки выпросить не могла: кидали, как собаке! Этот

пожилой рыцарь - родственник графа?

- Дядя!

От усталости девушке не хотелось есть, но всё равно она отдала должное столь вкусной снеди.

Наверное, никогда раньше Агнесс не испытывала такой неприязни к графине как на утро следующего дня. Посматривая на брюзгливое лицо дамы, с трепетом взирающей на свое чрево, девушка не могла понять: как можно быть такой равнодушной к мальчику, врученному самим Богом, коль именно она стала его мачехой? Эрвин нуждался в ласковой заботе матери, а его сунули старому воину, который только и умел, что шуметь да драться.

Сразу же встав на сторону сироты, девушка не догадывалась, что Эрвин был отнюдь не ангелом и подпускал к себе только тех, кого выбирал сам.

А ведь старый Фриц рассказывал ей о ночном горшке, который вредный мальчишка опрокинул на колени мачехи. Он только не уточнил, что произошло это в день свадьбы, когда Берта была в наряде новобрачной, стоившем целое состояние, и после этого невеста вынуждена была встать под венец в кое-как замытом и вонючем платье, потому что не было времени его сменить.

И конечно, Агнесс не подозревала, что весь замок не меньше сатаны боялся юнца с синими глазами херувима, потому что в изобретательности различного рода пакостей ему не было равных. Только старый Фриц, долгие годы возглавляющий войска ещё деда сорванца и от крика которого уходили в пятки души самых храбрых воинов, мог хоть как-то удерживать этого негодника в повиновении.

Несколько лет назад, следуя традициям того времени, Эрвина поочередно пытались отправить на воспитание и к родственникам, и в различные монастыри. Увы! Спустя максимум пару недель мальчишка вновь оказывался дома, потому что никто не хотел враждовать с могущественным графом из-за смерти его невыносимого отпрыска. А придушить этого дьяволенка становилось единственным желанием любого, кто хоть раз имел с ним дело. Видимо князь тьмы при легендарной сделке передал предку фон Геттенбергов кроме серебристых локонов ещё и переходящую все разумные пределы зловредность.

Сама дама Берта категорически приказала, чтобы младшего пасынка не пускали и на порог её покоев. Солидарна была с ней и Генриетта, которой юный деверь как-то в шитье подложил изрядный кусок дерьма. Старший брат тогда попытался надавать Эрвину тумаков, но тот настолько ловко вывернулся, что Зигфрид, догоняя постреленка, зацепился за подставленную ногу

и серьезно повредил себе колено.

Сам же граф относился к этому вселенскому бедствию с несокрушимым спокойствием. Правда, иногда выходки сына переходили все границы, и он все-таки хватался за розги, но об этом мало кто знал. Старый Фриц предпочитал помалкивать, когда ему намекали на это обстоятельство.

Но об этом Агнесс с гневом на бессовестных клеветников, оговаривающих беззащитного сироту и доброго мальчика, не захотела даже слушать.

Как-то вечером, вернувшись в свою каморку, девушка застала роющегося в сундуке Эрвина.

- Что случилось? - удивилась она.

Мальчишка сегодня выглядел чистеньким и аккуратным. Он пристроился на крышке сундука и взял в руки Библию.

- Фройляйн Луиза сказала, что вы умеете читать?

Агнесс прикусила губу: она сто раз говорила тетке, чтобы та помалкивала об этом обстоятельстве. Неизвестно какие бы ещё идеи одолели даму Берту, узнай графиня о её умении.

- Да, - осторожно призналась она, - но только не хочу, чтобы об этом знали!

- Хорошо, - небрежно пожал плечами сорванец, - а не могли бы вы меня обучить латыни?

Девушка удивленно вздернула брови.

- Ты хочешь посвятить себя церкви? - недоверчиво спросила она.

- Вот ещё! - презрительно фыркнул Эрвин. - Терпеть не могу попов! В своих унылых рясах они похожи на воронов!

- Не надо богохульствовать, тем более что ты не прав! Если люди во имя Бога отрекаются от мира, то стоит уважать их тяжелый удел! Рыцари иногда тоже напоминают выходцев из ада... - она прикусила губу и тут же перевела разговор на другую тему. - Если ты хочешь освоить грамоту, то нужно обратиться к местному священнику. Какой из меня учитель?

Юнец странно улыбнулся.

- Фройляйн, - уверил он её, - лучшего учителя для меня просто не может быть!

Если бы он был лет на пять старше, возможно, девушка насторожилась, но худенький и хрупкий Эрвин вызывал в ней острое чувство жалости.

- Хорошо, но только, чтобы об этом никто не знал.

- Не обсуждается! - покладисто согласился мальчишка, и Агнесс, раскрыв Библию, начала обучать его латыни так же, как её саму когда-то обучала мать.

Теперь они просиживали вместе вечера напролет, и слухи,

что Эрвин проводит много времени в комнате пленницы, поползли по замку, достигнув, в конце концов, и покоев графини.

Агнесс очень не любила даму Берту, считая графиню зловредной гусыней, но вряд ли эта характеристика соответствовало истине.

Капризная избалованная личина была лишь маской, за которой скрывалась достаточно умная и проницательная женщина, которая ещё при дворе своего дяди - герцога Каринтийского поднаторела в каверзах и интригах. Юная полонянка с её нескрываемым отчаянием и ненавистью к графскому семейству ничего кроме презрения у графини не вызывала.

Что ей была эта глупая девчонка? Пыль под ногами! Но вот отношения внутри собственной семьи графиню тревожили.

Ничего не поделаешь, но в глубине души дама Берта хранила сокровенную тайну: она до безумия любила своего мужа. Будучи по натуре скрытной, женщина не выказывала этого перед посторонними, но в укромном уединении алькова сдержать своих чувств зачастую не могла, и очень быстро с горечью осознала: мужчины - воины не только на поле брани, но и в постели. Для них представляют интерес только не взятые крепости! Граф остыл к жене задолго до конца медового месяца, и поганец Эрвин внёс в его охлаждение свою лепту.

Понятно, что после испорченного венчания она ждала от супруга, по меньшей мере, жестокого наказания стервеца. Однако граф лишь благодушно фыркнул и покачал головой, словно порча расшитого жемчугом и рубинами парчового платья была сущей безделицей! А когда она сама решила проявить материнскую власть и поставить мальчишку на место, в её покои заявился дядя графа - мессир Фриц фон Кауфман.

- Я, - сказал он прямо, - был против того, чтобы мой племянник в четвертый раз притаскивал в дом высокородную стерву с приданым принцессы и сердцем ядовитой гадины! Но раз у него в голове ещё не перебродило, чтобы понять, что мужчине нужна подруга жизни, а не очередная кукла с могущественной родней, то пусть сам с вами и воюет! Дети страдать не должны! Так и зарубите себе на носу и забудьте про мальчика, иначе... вы тут четвертая - в этом доме женщины плохо приживаются!

Можно представить, что испытала Берта, вынужденная слушать угрозы от дурно воспитанного невежи. Но она не унизилась до свары, мудро рассудив, что хозяин в доме всё-таки не этот лохматый грубиян, а её супруг.

Графиня выбрала для выяснения отношений, как ей показалось, удачное время. После супружеских ласк Пауль был в

прекрасном расположении духа, и Берта решила, что это лучшее время для нападения на неугодного пасынка.

- Этот облезлый медведь - фон Кауфман мне угрожал! - пошла она в наступление. - Мне - вашей жене! Он чуть ли не открыто пригрозил смертью, если я не оставлю в покое поганца Эрвина!

- Так оставьте его в покое!

На графа возмущение жены не произвело ни малейшего впечатления. Он копался в шкатулке со своими драгоценностями, рассеянно подбирая перстень на указательный палец.

- Но я теперь его мать! - напомнила Берта.

- Его мать умерла, производя Эрвина на свет! И вам стоит лучше заботиться о наполнении собственного чрева, чем обсуждать детей своих предшественниц!

- Ваш сын невыносим!

- Эрвин просто непоседливый ребенок - такие встречаются в нашем роду! Бог обычно отмечает их!

И тут графиня совершила ошибку, вполне допустимую для обиженной женщины - она не поняла намека.

- Если Бог и отметил мальчишку, то лишь для того, чтобы люди остерегались его с рождения! - графиня решила, что речь идет о какой-нибудь родинке на теле мальца.

Фон Геттенберг больше ничего не сказал, с каменным лицом покинув жену.

И лишь когда муж в течение месяца подчёркнуто не посещал её ложа до Берты дошло, насколько дорог отцу этот сорванец. Пришлось призвать на помощь своего дядю епископа Аугсбургского, чтобы его преосвященство стал посредником между супругами. Граф сменил гнев на милость только после того, как жена простояла коленопреклоненной на покаянии три ночи в замковой часовне.

И теперь женщина с суеверным страхом взирала на чрево, напряженно гадая: даст ли ей Господь произвести на свет ребенка со светлыми волосами столь редкого оттенка? Страсть графини к мужу не остудило даже явное пренебрежение, и Берта собиралась сражаться за его сердце со всеми метрессами ветреного супруга.

А теперь юный негодник сдружился с пленной девкой. Не грозит ли это новым витком осложнений с мужем? Ведь Агнесс фон Крайц была столь красива! Не лучше, конечно, самой графини, но все знают, как мужчины любят новизну. С другой стороны, у графини появилась возможность досадить противному мальчишке, отыгравшись на его подружке.

- Знаешь,- обратилась она к Генриетте,- зачем Эрвин заходит по вечерам к девице Крайц?

Сноха только небрежно пожала плечами.

- Нет, но знаю, у кого спросить!

Вызванная перед грозные очи светлейших дам жалкая старая дева Луиза фон Крайц только растерянно захлопала ресницами.

- Агнесс,- испуганно втянула она голову в плечи, - учит мальчика грамоте!

Дамы так и замерли от изумления, не зная даже как отреагировать на это заявление.

Из четырех сыновей графа в книжной премудрости разбирался только третий сын - Гейдрих, будучи аббатом одного из монастырей Тюрингии.

- Эрвин собрался в монахи?! - обрадовалась Берта, но все-таки удивленно спросила сноху: - Почему тогда его учит эта девчонка, а не отец Теодорих? И чему она его вообще может научить?

Генриета предложила вызвать отца Теодориха. Прибывший в дамские покои священник только руками развел.

- Я не слышал о желании юного мессира принять постриг, - промямлил он. - Странно, что он решил взять себе ментором юную девицу. С другой стороны, если девушка читает ему Библию, в том нет греха!

Священник, конечно, не признался высокородным дамам, что шепчет про себя все знакомые молитвы, истово благодаря Создателя, что Эрвин не обратился за помощью к нему. После того, как пакостник однажды поджог на священнике рясу, отец Теодорих не мог без содрогания видеть его юркую как язычок адского пламени фигурку.

- Но ведь девица Агнесс должна была взять у вас благословение? Разве говорила она на исповеди, что учит юного мессира грамоте? Наверное, замыслила что-то недоброе! - насела на священника Генриетта.

Отец Теодорих почувствовал себя неуютно. Он и графине хотел угодить, и побаивался старого Фрица, а уж при мысли об Эрвине...

- Да, - с запинкой сказал он, - скорее всего... но...

- Вот пусть в покаяние и посидит на хлебе и воде! Вы должны потребовать от мессира Зигфрида заключения еретички в тюрьму!

Священник сменился с лица, но сиятельные дамы с таким угрожающим видом сверлили его глазами, что он не решился им противоречить. Но когда о требовании узнал Зигфрид, то и жену, и мачеху ждал очень неприятный разговор.

- Эта девушка, - упрекал он глазами супругу и холодно улыбался мачехе, - находится под опекой отца, и только граф может принять решение относительно фройляйн Агнесс!

У Зигфрида и без того хватало хлопот: в окрестностях появился огромный волк. Зверюга так досаждал крестьянам, что

нужно было срочно организовать большую охоту, а тут сварливые бабы никак не могут между собой разобраться!

Он решил поговорить с Эрвином:

- Почему тебе приспичило учиться латыни именно у этой девки? - недовольно спросил он у мальчишки. - Зачем тогда отец кормит свору попов? Я, например, научился читать документы и знаю, как поставить подпись. К чему тебе ещё и Библия? Собрался в монахи?

Младший брат насмешливо хмыкнул.

- Фройляйн Агнесс - красотка каких мало! Учиться чему-либо у неё очень приятно. И скучная латынь становится интереснее самых страшных сказок!

- Мне кажется, что тебе ещё рано заглядываться на красоток, - сухо заметил Зигфрид,- и ещё... раз ты такой уже взрослый! Эта девушка приглянулась нашему отцу!

Мальчишка зло глянул на брата и удалился.

Агнесс вновь бегала по поручениям раздраженной как никогда графини, даже не подозревая, что происходит за её спиной. А после ужина к ней приходил Эрвин.

Он не давал девушке ни минуты покоя: задавал сотни вопросов и сам рассказывал ей обо всем на свете. Агнесс относилась к нему внимательно - бедный заброшенный мальчик, кто ещё пожалеет его?

Она так привыкла к Эрвину, что и сама не заметила, как он прочно обосновался в её сердце, заняв место погибших братьев. Человек нуждается в любви к ближнему как в воздухе, особенно если он всю жизнь провел, руководствуясь только этим чувством.

Каждое утро после мессы, перед тем как отправиться в каминную комнату к графине, девушка любовно расчесывала серебристые волосы Эрвина, вплетая в них шелковые шнуры, следила за чистотой его ушей и шеи, заботливо чистила одежду.

Фриц только пораженно хмыкал, глядя, как преображается в щеголя его дикарь воспитанник. В отличие от доверчивой Агнесс вздорного юнца он знал гораздо лучше.

ОТЕЦ И СЫН.

Дни шли за днями, заполненные маленькими и большими хлопотами обыденной жизни большого замка.

Но это была всего лишь иллюзия мира и покоя: слишком хрупкая и поэтому бесследно исчезнувшая в тот миг, когда однажды поутру торжествующе запели трубы. Бегущая за молоком на кухню Агнесс озадаченно остановилась. В честь чего такой невероятный шум?

По двору впопыхах метались люди, как будто к городу приближался враг: все что-то тащили, убирали, несли, мели, в общем, наводили порядок. Рыцари торопливо цепляли мечи, поправляли амуницию; прислуга носилась в разных направлениях; где-то пронзительно визжал поросенок; с квохтаньем разлетались в панике куры.

- Что происходит? - удивленно спросила она у пробегавшей мимо служанки.

- Граф! - буркнула та на бегу.

Агнесс даже не сразу поняла, что она сказала, а когда до конца осознала... удар оказался слишком силен!

Сознание возвращалось к ней медленно: откуда-то из тошнотворной тьмы выплывали предметы реального мира, и первым, за кого зацепился её помутневший взор, оказался обеспокоенный Эрвин.

- Скажи мне, что я ослышалась!

Эрвин куда-то исчез, зато рядом появилась Луиза, заботливо утащившая племянницу в их башню. Агнесс в страхе забилась с ногами на постель, да так и замерла, забыв от тоски и жутких предчувствий про всё на свете. В том числе и о молоке графини.

Между тем прибывший после долгой отлучки граф обнял и поцеловал жену, переговорил о делах со старшим сыном, помылся с дороги, но когда оказался в спальне, к нему неожиданно попросился для разговора дядюшка.

Мессир Пауль очень устал: он провел без сна в седле почти трое суток. На вечер у него был намечен небольшой праздник по случаю прибытия домой, и графу хотелось хотя бы с часок отдохнуть в уюте собственной опочивальни. Он попросил всех домашних удалиться, и вдруг... дядя!

Но с другой стороны, старый Фриц никогда бы его не побеспокоил по пустякам. Неужели опять что-то натворил озорник и любимец Эрвин?

Но каково же было удивление отца, когда вместе со старым рыцарем к нему пришёл и младший сын. Граф даже приподнялся на кровати, увидев своего отпрыска.

- Вот чудеса! - изумленно вздёрнул он брови. - Это ты, Эрвин, или я уже уснул и вижу сон?

Не просто чистый, а отмытый, казалось, до блеска, с красиво расчесанными локонами густых серебристых волос и в опрятной одежде Эрвин перестал быть неряхой мальчишкой, превратившись в весьма привлекательного, с внешностью архангела юнца.

- Нам надо поговорить, отец!

Фон Геттенберг устало рассмеялся, удивленно покачав

головой. Обычно младшему сыну от него нужно было только прятаться, потому что их встречи заканчивались приблизительно одинаково: отец брался за розги, потому что ни один человек в замке не отважился бы провести экзекуцию над невыносимым мальчишкой. Это могло закончиться очень плохо для воспитателя. Зато поводов было не счесть!

- О чем же мы будем разговаривать?

- О фройляйн Агнесс!

Граф недоуменно нахмурился - он решительно не мог понять, о ком ему толкует так чудесно преобразившийся сын.

- Агнесс? Кто это, и почему мы должны с тобой о ней разговаривать?

Он вопросительно посмотрел на дядюшку, застывшего за спиной воспитанника, но тот хранил молчание.

- Речь идет об Агнесс фон Крайц!- пояснил Эрвин.

Глаза фон Геттенберга остро блеснули, но удивление стало ещё сильнее.

- Какое тебе дело до неё?

Эрвин откровенно неприязненно посмотрел на отца.

- Ты хочешь сделать из Агнесс шлюху?

В первый раз в жизни мессир Пауль оказался в таком замешательстве. Какой уж тут отдых! Он сел на кровати и угрожающе посмотрел на дерзкого юнца.

- Вряд ли в твоем возрасте уместно задавать такие вопросы!

Эрвин, презрительно фыркнув, так умудрился вздернуть подбородок, что у графа появилось странное ощущение, что сын смотрит на него сверху вниз.

- Для того чтобы знать об альковных утехах, не обязательно прожить сто лет!

- И где же ты нахватался таких знаний?

К чести фон Геттенберга у него хватило чувства юмора держать себя в руках, но через несколько минут ему стало уже не до смеха.

- Я видел, как барахтался Зигфрид со своей бургундкой в их брачную ночь. Та только пищала, что ей больно, а сама вцепилась в него как клещ!

Пораженный граф ахнул, чуть ли не со священным ужасом взирая на брезгливо морщившего нос сына. До его светлости кое-что начало доходить.

- Это ты, - медленно спросил он, - украл простынь?

Эрвин с холодным пренебрежением взглянул на отца.

- Бургундская шлюха, - жестко пояснил он, - сама виновата! Я сидел на лестнице и никого не трогал, а она пнула меня ногой и сказала, что я грязен как свинопас и от меня воняет козлом. Вот

и... пришлось испортить ей долгожданный праздник!

Испортить праздник? У фон Геттенберга перехватило от ярости дыхание. Это был один из самых страшных скандалов внутри его семьи.

Принцесса из Бургундского дома была выдана замуж за его старшего сына из довольно мудреных политических соображений, в которых взаимной склонности места не было. Но Генриетта оказалась привлекательной девушкой и понятно, что брачная ночь стала для её мужа довольно приятным событием. Казалось, всё идёт прекрасно, и утром многочисленные гости собрались для выкупа брачной крови, но дожидающаяся с ночи простынь оказалась девственно белой, о чем и сообщила на ухо графу порядком смущенная кузина, игравшая роль матери новобрачного.

- Что делать? - растерянно спросила она, поводя у него перед носом куском чистого холста.

- Предотвратить скандал,- быстро нашелся фон Геттенберг, и, чиркнув по руке ножом, мгновенно окрасил простынь кровью. - Неси гостям!

- Но зачем нашему мальчику в женах такая распутница? - возмутилась недалекая дама.

- Союз с бургундским домом важнее этого украшения девственниц, - рявкнул граф, - а блудить я её отучу раз и навсегда!

Пока длились свадебные торжества, фон Геттенберг ничем не выдал душившего его бешенства, но когда сопровождавшие невесту бургундцы тронулись в обратный путь, настало время расплаты.

Напрасно Зигфрид умолял отца пощадить молодую жену, уверяя, что она действительно была девственна, граф ничего не пожелал слушать. Генриетта была беспощадно выпорота свекром да так, что потом две недели лежала пластом. Однако, даже заливаясь слезами и с иссеченной до крови спиной, она так и не открыла имени своего любовника, чем разъярила фон Геттенберга до крайности.

Со времени злополучной брачной ночи граф не переносил снохи, её первенца считал ублюдком и намеревался впоследствии найти повод, чтобы отстранить от наследования.

- Ты знал? - в гневе повернул граф голову к Фрицу.

- Помилуй Господь, - испуганно открестился тот, - в первый раз слышу!

Фон Геттенберг ошеломленно смотрел на младшего сына, пытаясь хоть как-то переварить очередную чудовищную проделку любимца. Неожиданно он усмехнулся.

- Грязная выходка, мальчик мой! Неужели ты так жестоко отомстил даме только за то, что она ударила тебя ногой?

- Бургундка назвала меня свинопасом, меня - Серебряного шваба!

Граф высоко поднял брови, но потом обреченно кивнул головой.

- Согласен! Нечего распускать язык, да и ноги тоже! Я только не понимаю, какое отношение к нашим семейным делам имеет фройляйн Агнесс?

- Я не хочу, чтобы обижали Агнесс! Она - моя дама сердца!

Отец тяжело вздохнул и, поманив к себе сына, доверительно усадил рядом.

- Ты уже достаточно взрослый, чтобы разговаривать с тобой на прямоту? - с нажимом спросил он юнца.

- Так будет лучше всего!

Граф хмыкнул, со слабой улыбкой покосившись на сына. Что поделаешь, но этот озорник был его единственным слабым местом.

Он ждал его появления долгих пятнадцать лет, год за годом с разочарованным сердцем разглядывая на руках повитух рыжих и темноволосых детей. Три сына, дочери, многочисленные бастарды... и ни одного особо отмеченного Всевышним! Он было уже совсем пал духом, решив, что Господь отвернулся от его рода, когда третья жена - робкая Эльза родила долгожданного беловолосого малыша. Увы, несчастная умерла, дав жизнь этому постреленку, и он даже не успел её поблагодарить за величайшую радость.

Но долгожданный малыш был всего лишь четвертым сыном, а значит, ему предстояло самому пробивать себе место в жизни. Увы, он мало что мог ему дать кроме благородной крови и серебристых локонов волос. Так уж распорядился Господь! И мальчик, очевидно, это хорошо понимал, поэтому с такой яростью утверждался в этом мире, столь суровом к младшим сыновьям.

Фон Геттенберг никогда не вёл задушевных бесед со старшими сыновьями, вполне справедливо считая, что те и так всему научатся, просто оставаясь рядом с отцом, но Эрвин... с ним ему хотелось разделить свои самые сокровенные мысли. Ведь они были столь похожи!

- Фройляйн Агнесс не может быть твоей дамой сердца, потому что по положению она гораздо ниже графского сына! Истинному фон Геттенбергу для поклонения подойдет лишь герцогиня или королева, но никак не нищая девчонка-полукровка (её матерью была простая горожанка!).

- Но она очень красива, добра и благородна!

Граф сухо хмыкнул.

- Агнесс всего лишь женщина, мой мальчик! А они созданы Богом для нас - мужчин, чтобы носить и рожать детей. Другого предназначения у них нет!

- Но в замке множество других, пригодных для этого женщин, - довольно здраво заметил Эрвин,- разве обязательно таким образом облагодетельствовать именно Агнесс? Я прошу вас отдать мне эту девушку!

- Ты просишь? Но зачем тебе она?

Сын пожал плечами.

- Мы с ней ладим!

- Он втюрился в девчонку, - наконец-то, подал голос Фриц, - ластится к ней, как котенок!

Граф внимательно осмотрел Эрвина. Ему трудно было представить своего дикого как звереныш отпрыска, ластящегося к кому-то, но раз такое всё-таки произошло нужно действовать крайне осторожно. Разговор оказался не из легких!

- Значит, мы с тобой соперники? Мне тоже нравится эта девушка!

Эрвин недоверчиво посмотрел на отца.

- Ты даже не сразу вспомнил, как её зовут! У тебя есть дама Берта и девушка-горожанка (я не помню её имени, но поговаривают, что она ждет ребенка). Ты постоянно что-то даешь моим братьям, я же у тебя прошу не земли и замки, а никому не нужную пленницу!

Фон Геттенберг перевел дыхание, задумчиво разглядывая холодные синие глаза любимца. И когда же он успел вырасти? Вроде только вчера ему протянула вопящий сверток повитуха, сразу же оглушив печальным известием о смерти Эльзы? И вот уже приходится разговаривать с сыном на такие сложные темы.

- Эрвин, дело даже не в фройляйн Агнесс! Ты должен понять, что женщина - это нечто особенное, и порой мужчине легче отказаться от земель и замков, чем отдать её. Но твой упрек справедлив! Действительно, считая слишком маленьким, я пренебрегал твоими интересами. Хочешь крепость Вайсбау? Это стратегически важное владение!

- А Агнесс?!

- Настоящий рыцарь не торгуется, когда речь идет о любви женщины! Но если ты готов отказаться от владений ради кос рыжеволосой девчонки...

Строптивый мальчишка подскочил с места и гневно воззрился на отца.

- Почему - отказаться?

Нужно было подобрать правильные слова, а это отнюдь не

просто для человека больше привыкшего сражаться, чем говорить.

- Скоро ты станешь взрослым и поймешь, что самое высшее наслаждение доступное мужчине - это выигранная битва! Что может быть лучше вида поверженного и раздавленного противника? И всё, что ты отнял у врага копьём и мечом - твоё и только твоё. Агнесс - моя добыча, потому что я пленил её, а не ты! Но если тебе так сильно нужна эта девушка, я могу её обменять на Вайсбау. Что-то дается в обмен на что-то: таковы правила, по которым живёт этот мир! Если же нечего дать взамен, тогда забери желаемое при помощи оружия или умри! Однако этот способ тебе пока не доступен. Итак?

Сын зло взглянул на отца, но фон Геттенберг терпеливо и с тайной улыбкой ждал его реакции, не сомневаясь в ответе.

- Конечно, я не откажусь от Вайсбау! Что я - сумасшедший?!

- А раз так, то предоставь Агнесс её судьбе! Впереди тебя ждёт ещё немало женщин, не менее желанных и красивых, чем фройляйн фон Крайц!

Неизвестно, что думал после этого разговора Эрвин об отце, но он больше не стал задавать вопросов об Агнесс, а кротко осведомился:

- Когда я смогу выехать в своё владение?

К такому повороту дела фон Геттенберг ещё не был готов, поэтому ответил уклончиво:

- Мы позже решим этот вопрос! А сейчас... я бы хотел отдохнуть!

Но когда малахольный мальчишка покинул спальню, выяснилось, что его воспитатель медлит уходить.

- Зачем ты отдал Эрвину Вайсбау?- недоуменно осведомился Фриц. - Не слишком ли большой кусок для сопляка? Он и так-то не подарок! Пусть бы эта девка и дальше мыла ему уши да штопала рубашки!

Фон Геттенберг с удовлетворенным вздохом вытянулся на кровати.

- Да причём здесь пленница! Что-то подобное давно уже крутилось у меня в голове, - признался он, - мальчишке надо заняться серьезным делом! Согласись, что учиться управлять крепостью всё-таки лучше, чем тратить неуемную энергию на устройство пакостей всему семейству!

Фриц немного потоптался на месте, прежде чем удалиться восвояси.

- И всё-таки... - в раздумье протянул он, - лучше бы ты отдал Эрвину эту девушку! Она хорошо на него влияет!

- Не хватало ещё, чтобы над этой шальной головой поработала какая-нибудь девчонка - тогда у него окончательно

мозги снесет! Впрочем, он сам отказался от неё, - устало хмыкнул граф, - тем самым доказав, что уже не ребёнок!

- Вот именно.... не ребёнок! Он только выглядит таким дохляком, а на деле в ноябре ему уже тринадцать. Отдал бы его кому-нибудь в оруженосцы!

- Кому? Разве кто о трёх головах доверит ему своё оружие, без страха быть убитым в собственной постели!

- И то верно...

ЭРВИН.

- Скажи мне, Фриц, ум - это тоже оружие?

- Я скажу больше: без него любой меч превращается в простую палку!

Старый рыцарь с беспокойством наблюдал за своим нервно мечущимся по крепостной стене воспитанником. Ночь уже зажгла над замком первые звезды, и прохладный ветер овевал разгоряченные лица, прилетая откуда-то с полей за городскими стенами. В замке пировали, празднуя возвращение хозяина, но Эрвин в силу возраста уже должен был покинуть торжество, о чём, кстати, не сожалел. Другие мысли занимали его голову!

- Отец прав! У меня нет подвластных рыцарей, чтобы покорять замки. Меч ещё слишком тяжел для моих рук. Правда, из арбалета я стреляю неплохо, но этим умением многого не добьешься!

Встревоженный воспитатель поймал юнца за край камизы:

- Не мельтеши! И быстро отвечай - что ты задумал?

- Я не хочу, чтобы Агнесс стала блудницей!

- Ты взял Вайсбау!

Эрвин волком глянул на воспитателя.

- Я помню!

- А раз помнишь, то выброс девушку из головы! Ничего особо плохого с Агнесс больше не случится. Когда мужчины врываются в захваченный замок, они испытывают такое чувство... - Фриц замялся, подбирая нужные слова, - тут и радость, и азарт, и опьянение победой, и ощущение всемогущества. Сам когда-нибудь поймешь! В тот момент Пауль мог, конечно, обойтись с девушкой грубо. Но прошло время, он успокоился, и думать о фройляйн забыл! Сейчас по приезде осмотрится и выдаст её замуж за нужного человека. Так что... не горячись!

- А что, если...

- Я не желаю ничего больше слушать! Ещё одно слово, и, клянусь своим мечом, я лично выдеру тебя, да так, что ты месяц сесть не сможешь! Отправляйся спать!

И, о чудо, несносный мальчишка заткнулся и покорно

поплелся восвояси, а раздраженный Фриц вернулся в пиршественный зал.

Веселье было в самом разгаре. Несмотря на то, что было довольно тепло, полыхал гигантский камин, пытавшийся бороться с сыростью - извечным бичом всех помещений такого рода. Вытяжной колпак конической формы с выступающими стойками образовывал нечто вроде домика внутри огромной комнаты. Перед ним в форме каре стояло несколько столов, накрытых нарядными скатертями, за которыми восседало около тридцати человек.

Внутри пространства между столами метались слуги с блюдами и выступали мечущие горящие факелы жонглеры.

Фриц нашел глазами племянника. Пауль сидел на украшенном слоновой костью стуле на хозяйском возвышении в окружении семьи: жены, дочери, снохи и сына. Он был в прекрасном расположении духа. Старый рыцарь оглядел скамьи для менее знатных домочадцев: на одной из них скромно жалась между двумя рыцарями Агнесс. Судя по понурой голове, девушка не разделяла общего веселья. Впрочем, Фрицу были понятны её опасения: неизвестно, что придет Паулю в голову относительно пленницы. И не исключено, что Агнесс мало понравятся его решения. Хмуро хмыкнув, он сел за один из столов, где ему было оставлено место в надлежащей близости к хозяину.

Между тем, общий разговор крутился вокруг намечающейся охоты.

- Объявился волк! - рассказывал отцу разгоряченный вином Зигфрид. - Невиданной величины! Пастухи жалуются: режет скот стадами, и ничего его не берет. Наглый словно оборотень!

- Откуда же он взялся? - поразился граф. - Я никогда не слышал, чтобы в окрестностях Вацбурга когда-либо водились такие огромные звери!

- Может, и вправду оборотень? - ахнул кто-то.

Фон Геттенберг презрительно отмахнулся.

- Назавтра объявляю охоту на этого волка! Тому, кто добудет его шкуру, призом станет вот этот перстень!

И он снял с руки большой рубин.

Агнесс оцепенела от страха, едва увидев своего мучителя. Она меньше всего на свете хотела бы здесь присутствовать, но приказ сидеть за столом был категоричен.

Об огромном волке ей уже говорила Луиза, но самые большие особи водились все-таки в лесах вокруг Крайца. Мало того, на гербе её рода красовался бегущий волк на синем поле.

За всё время ужина девушка ни разу не посмотрела на графа, но странным образом хорошо ощущала на себе его

заинтересованные взгляды.

- Пресвятая Дева, что же меня ожидает ещё? - в отчаянии шептала она про себя.

И напрасно слуги ставили перед её носом, источающих запах специй и плавающих в мясном соусе уток, запеченные окорока и куски жаренных на вертеле туш, аппетит у Агнесс начисто отбило. Рыцари по правую и левую руку с удовольствием грызли хрящики и макали хлеб в соус, всё обильно орошая пивом, а девушка только и могла, что подкармливать остающимися от соседей костями, преданно крутящихся вокруг её ног собак.

Немудрено, что при первой же возможности Агнесс чуть ли не бегом покинула пиршество. Луиза уже спала, зато девушку возле комнаты терпеливо дожидался Эрвин.

- Агнесс, - выскочил он навстречу девушке, - я вот... жду тебя! Представляешь, отец отдал мне в управление крепость Вайсбау!

- Это хорошо, - ласково прошлась она рукой по серебристым локонам. - Владение землей - смысл существования любого рыцаря! Это то, ради чего стоит жить, что защищать и что можно оставить своим детям и внукам. Кто я без Крайца? Оторванный от дерева листок, да ещё и попавший в вихрь урагана! Несёт куда-то...

Агнесс разговаривала, скорее, сама с собой, чем с внимательно слушающим подростком. Но тот не собирался безмолвно внимать её откровениям.

- Я хотел бы навсегда остаться с тобой! Просто быть с тобой и всё, - горячо проговорил он и неожиданно прижался к её руке губами, - но... так получилось. В общем, я больше не смогу тебя защищать!

- Эрвин, - Агнесс улыбнулась сквозь слезы, - только твой отец может решить мою судьбу.

Юный Эрвин пренебрежительно фыркнул:

- Ты меня недооцениваешь! И все же, скажи: о чём ты мечтаешь? Чего бы ты хотела больше всего?

- Я? - она вытерла слезы и жалко улыбнулась юнцу. - О чём я могу мечтать? Конечно, о Крайце! Ты знаешь, как прекрасен закат солнца в горах? Как пахнут разогретые солнцем травы предгорий? Мне дорог там каждый камень, каждый глоток воздуха! Я только тогда и счастлива, когда родной замок снится мне во сне.

Эрвин заинтересованно слушал печальный голос собеседницы:

- Ты хочешь, чтобы тебе вернули Крайц?

Агнесс грустно пожала плечами.

- Разве кого-то интересуют мои желания?

- Меня интересуют, и я знаю, как тебе получить свой дом

обратно!

- Малыш, - снисходительно рассмеялась Агнесс, вновь потянувшись, чтобы погладить его по голове, - о чём ты говоришь?

Но Эрвин обиженно увернулся от её руки.

- Я не сказал ничего смешного! - угрюмо буркнул он. - У тебя есть два пути! Ты можешь уступить моему отцу...

- Эрвин!

- Можешь уступить моему отцу, - упрямо продолжил невыносимый мальчишка, - и уговорить его выдать тебя замуж за преданного Геттенбергам рыцаря. Тот от твоего имени принесет присягу за Крайц, и, как знать, может, вам позволят вернуться в Баварию.

Агнесс недовольно фыркнула:

- Мне мало нравится этот путь!

- Зато он наиболее простой!

- Мне так не кажется... однако ты говорил, что есть и другой?

- Есть, но он сопряжен с большими опасностями, ненадёжен и имеет мало шансов на успех!

- И всё-таки?

- Ты должна подать жалобу на моего отца своему сюзерену - Генриху Льву и рассказать, что произошло на самом деле. Если вам с тёткой удастся убедить герцога в своей правоте, Крайц тебе вернут.

Девушка только тяжело вздохнула.

- Ты забыл, что я пленница? Как же мне встретиться с герцогом?

- 7 августа день святой Афры - покровительницы Аугсбурга! И мой отец, и Генрих Лев, и ещё немало властительных князей съедутся в епископство, чтобы поклониться мощам святой!

Агнесс рассеянно перекрестилась, недоуменно соображая, к чему ей эти сведения.

- И как мне попасть в Аугсбург? Кроме того: нет денег, нет связей, нет крыши над головой, чтобы где-то скрываться почти три месяца!

Эрвин негромко рассмеялся:

- А я и не говорил, что будет легко! Но если ты хочешь остаться здесь...

- Я бы предпочла обществу твоего отца даже огнедышащего дракона!

- Тогда послушай, что мы предпримем...

Странная это была ночь - сумасшедшая! В иные минуты изумленной Агнесс казалось, что она каким-то неведомым образом заснула и разговор с Эрвином ей только снится. Этот

прирожденный авантюрист обстоятельно изложил ей план побега. Мало того, к рассвету уже было всё готово.

- На завтра назначена охота на волка, который с тех пор как ты здесь появилась не дает никакого покоя окрестным деревням. Неизвестно, сколько времени понадобится моему отцу, чтобы загнать его в ловушку, но будем надеяться, что этот зверь не так прост, и у нас есть хотя бы дня три форы. И самое главное - с ними уезжает Фриц! Вот, кого бы нам не удалось обмануть, а остальные, - Эрвин пренебрежительно махнул рукой, - не стоят того, чтобы принимать их в расчёт!

- Деньги я достану! Возьму в долг под свои доходы с Вайсбау у Фрица (я знаю, где он хранит сбережения)... правда, ему пока об этом знать не надо! - решил он и эту проблему.

- Неподалеку от Аугсбурга есть монастырь св. Афры. Настоятельницей там моя тетка - Гертруда фон Кауфман. Они с отцом не ладят с тех пор, как моя старшая сестрица Бригитта вбила себе в голову принять постриг. Но у графа были свои планы относительно дочери, и вместо монашеского покрывала Бригитта получила мужа. Тётка готовила сестру себе на смену и была очень недовольна, поэтому они здорово поссорились с отцом!

- И она даст мне приют? - не поверила Агнесс.

- Мы напишем ей письмо от имени Фрица. Благо, он сам неграмотен!

- Аббатиса может не поверить, что письмо от Фрица.

- Поверит, потому что на нём будет его печать. Он подписывает все свои бумаги оттиском перстня, который носит на указательном пальце!

- И как мы заставим его поставить эту печать?

Эрвин тихо рассмеялся.

- Он об этом не узнает! Когда Фриц спит, легче простого приложить его руку к восковой печати. Так что, я раздобуду бумагу и чернила, а ты зажигай светильник и пиши письмо!

МОНАСТЫРЬ СВ. АФРЫ.

План Эрвина оказался невероятно удачным, особенно если учесть, что придумал его двенадцатилетний мальчишка.

Воспользовавшись суматохой, царившей в крепости при отъезде графа со свитой на охоту, переодевшиеся в служанок Агнесс и до крайности недовольная Луиза беспрепятственно покинули замок. Стража на воротах не обратила ни малейшего внимания на двух груженных корзинами прачек, спешивших к реке. Но беглянкам не надо было стирать белье - они добрались до рынка, купили себе пару осликов, на которых спустя полчаса и

покинули Вацбург.

По расчетам графского сына девицы фон Крайц должны были достигнуть монастыря на исходе третьего дня, когда вернувшийся с охоты Фриц сразу же выяснит, что пленницы пропали. Всех же остальных домочадцев Эрвин собирался водить за нос.

И надо сказать, этот авантюрный план практически удался. По крайней мере, когда мальчишка врал служанкам, что Луиза и Агнесс больны и сам оттаскивал подносы с едой в башню, ему верили, но на третий день их таинственной болезнью заинтересовалась графиня.

- Что там случилось? Грета, - послала она камеристку, - выясни, почему пленницы нигде не показываются? Неужели так расхворались? Ладно, девчонка - она всегда была нелюдимой, зато её тетка вечно шныряла по замку и всюду совала свой нос!

И вот тут-то выяснилось, что пропали не только пленницы, но и их вещи - платья и Библия.

- Бежали! - откровенно обрадовалась дама Берта. - Ну, теперь стервецу Эрвину не сносить головы! Это он им помог! Да и этих дурочек, когда поймают, наверняка, заточат в тюрьму, где им самое место!

Увы, учиненный допрос мало, что дал.

- Что я им, сторож, что ли? - угрюмо буркнул с огромным трудом отловленный начальником стражи противный мальчишка. - Откуда я знаю, куда делись женщины? Вчера ещё здесь были!

И был таков.

Зато на следующий день, когда без пользы проносившийся по горам и лесам отряд охотников вернулся домой, так и не увидев даже кончика волчьего хвоста, Эрвину пришлось несладко.

- Где Агнесс? - не шутя тряхнул отпрыска за шкирку фон Геттенберг. - Говори!

- Не знаю! - упрямо насупился Эрвин.

- Говори, гадёныш! - это уже рассвирепел Фриц. - Говори или я с тебя шкуру спущу!

Но как они не трясли упрямого мальчишку, прибегая к угрозам и награждая тумаками и затрещинами, тот держался как скала.

- Ничего не знаю!

Граф послал за розгами.

- Это бесполезно! - шепнул на ухо племяннику обеспокоенный Фриц. - У него задница словно из железа, и розги он уже давно воспринимает, как щекотание перышком. Только время зря потеряем!

Но фон Геттенберг и сам уже понимал, что поркой и угрозами от сына ничего не добьешься.

- Я думал, что ты уже достаточно взрослый, - горько вздохнул он, - и отдал тебе Вайсбау, а ты... ты не достоин такого дара. Глупый мальчишка!

Эрвин сверкнул глазами. Похоже, им, наконец-то, удалось зацепить его за живое.

- Ты дал мне Вайсбау взамен отказа от девушки! Я отказался от неё... и теперь ты забираешь своё слово назад?

Да, обстановка складывалась неоднозначная. Подвергнуть сомнению ценность своего слова фон Геттенберг не мог даже в такой сложной ситуации.

Пришлось договариваться по-другому.

- Послушай! Агнесс фон Крайц не просто красивая девушка - она наследница земель, которые имеют огромное, стратегическое значение. Для выгоды нашего дома нужно, чтобы она оставалась моей пленницей! Девицу надо вернуть во что бы то ни стало!

Эрвин задумался.

- Ты мне сам сказал: что-то дается подо что-то! - в конце концов, сухо напомнил он.

Дядя и племянник пораженно переглянулись.

- И что ты хочешь взамен сведений о девицах фон Крайц?

- Я хочу обещанную мне ранее крепость. И ещё... отпустите со мной Фрица и не вмешивайтесь в управление Вайсбау!

Фон Геттенберг долго смотрел на младшего сына, не зная, как правильно поступить. Эрвин всегда ставил его в тупик, но как не доставал его несносный мальчишка, он не мог долго злиться на сорванца.

- Хорошо! - холодно согласился граф. - Надеюсь, что встав во главе Вайсбау, ты поймешь, насколько дурно сейчас поступаешь! Итак...

- Я возился с собаками, когда случайно подслушал, что девицы хотят попросить приюта в монастыре св. Афры!

У мужчин изумленно вытянулись лица.

- Что?!

- Я возился с собаками...

- Это я уже слышал! Но как... зачем? Что, черт возьми, происходит?

Эрвин фыркнул:

- Откуда я знаю, может, фройляйн хочет принять постриг?

Геттенберг даже взревел от злости:

- Чтобы Гертруда вновь протянула свои загребущие руки к моим землям? Не для того я гробил людей, осаждая Крайц, чтобы шерсть с местных овец стригли её монашки! Не выйдет! Фриц, прикажи седлать коней - выезжаем в Аугсбург!

И только гораздо позже, когда он в сопровождении отряда

рыцарей уже скакал в сторону епископства, до графа неожиданно кое-что дошло.

- Послушай, Фриц, а за что я, собственно, отдал Эрвину Вайсбау в полное распоряжение?

- Этот прохвост нас провёл как мальчишек, - тяжело вздохнув, подтвердил Фриц,- хитрющий чертёнок! Конечно, он прекрасно понимал, что мы пошлем людей искать беглянок по всем дорогам и очень быстро выясним, куда они направились!

Отец "прохвоста" нервно рассмеялся:

- Лукав, как эдемский змей!

- А я говорил, что нужно отдать ему эту девку, а Вайсбау и без Эрвина нашлось кому управлять! Разве можно такого отчаянного мальчишку пускать на вольный выпас? Он же, чёрт знает, чего наворочает!

- Вот и присмотришь за ним! Согласись, присутствие Эрвина в Вацбурге небезопасно, прежде всего, для него самого. Мальчишка уже всех достал до колик, и кому-нибудь может прийти в голову, что мертвым ему будет спокойнее! Вот ведь... заноза! И в кого он такой?

Извечный вопрос всех родителей, ответить на который довольно просто - достаточно заглянуть в зеркало!

Граф прекрасно осознавал, что беглянки получили солидную фору, и догнать их в дороге ему вряд ли удастся, поэтому готовился к упорному противостоянию со своей благочестивой сестрицей. Та тоже была из Кауфманов, и отнять у аббатисы что-либо, попавшее в её руки, было невероятно тяжелым, в большинстве своём бесполезным делом.

А между тем, Агнесс и Луиза действительно сумели достичь стен монастыря, но всё пошло не так как предполагалось.

Монастырь святой Арфы был смешанным. Сейчас, конечно, трудно представить такое положение дел, но в двенадцатом веке подобные обители не были редкостью. Строго отделенные друг от друга в нём существовали и женщины, и мужчины, а главенствовала над всеми аббатиса Гертруда - женщина властная, строгая и решительная.

Кельи монахов, церковь, трапезная, странноприимный дом и лепрозорий окружали хорошо укрепленные стены, возле которых теснились домики жителей, принадлежавшей монастырю деревни. Здесь же располагалась и обширная рыночная площадь, предназначенная для так называемых "ярмарок после месс".

В ту эпоху значение и ярмарок, и месс в жизни людей было очень велико. Ярмарки раскидывались в непосредственной близости от церквей и монастырей, потому что в большинстве своём устраивались в связи с храмовыми празднествами в память

местных мучеников. В эти дни под стенами обителей собиралось огромное количество людей, и странноприимные дома и постоялые дворы оказывались переполненными.

Вот именно в такой момент и угораздило наших героинь прибыть к монастырю св. Афры. Подобного столпотворения дамы фон Крайц ещё никогда не видели. Им показалось, что вся местность буквально кишит людьми.

- Что происходит? - поинтересовалась Луиза у прохожего.

- Ярмарка! - охотно поделился тот на бегу. - В честь дня святого Ульриха!

Женщины с трудом пробились сквозь плотную толпу к воротам монастыря. Узнав про письмо к настоятельнице, их проводили в приемную, и там голодные и усталые женщины просидели почти полдня прежде, чем к ним, наконец-то, вышла аббатиса.

Мать Гертруда находилась в несколько вздёрнутом состоянии. Её обитель была забита людьми под завязку: в гости в связи с празднеством прибыла герцогиня Каринтийская со своим двором. Понятно, что ожидалась большая милостыня, и прибытие принцессы само по себе было очень значимым событием, но привычный монастырский уклад оказался нарушен: пришлось решать множество вопросов с размещением и дополнительным питанием почти полсотни людей, а тут ещё дядюшка просит дать приют двум девицам! И куда их деть?

- Я с должным почтением отношусь к просьбам мессира фон Кауфмана, поэтому охотно предоставлю вам крышу над головой на сколь угодно длительное время, - нервно пообещала настоятельница, - но... через пару-тройку дней! Я попрошу брата Гильберта найти вам временное жильё где-нибудь в деревне, и как только её высочество со своими людьми покинет обитель, мы с сестрами будем рады оказать гостеприимство!

Агнесс и Луиза тревожно переглянулись, но не отважились сказать, что им нужна защита от возможной погони.

- Вряд ли,- попыталась успокоить Агнесс тетку,- граф нас найдет в такой толчее, если даже и нагонит! Мне кажется, что здесь собралась вся Бавария!

- Ох, зря мы всё это затеяли, - по привычке заныла тётка, - жили бы сейчас в тишине и покое!

На счёт второго вопрос был, конечно, спорным, но вот первое... Шум на ярмарке был оглушающим! Пробирающиеся сквозь толпу вслед за широко шагающим монахом путницы с изумлением крутили головами по сторонам.

Здесь толклись целые стада блеющего и мычащего скота, гомонили многочисленные покупатели и торговцы, раскинувшие

палатки с товарами близ монастырских стен. Между ними сновали целые орды нищих, показывали своё искусство паяцы и фокусники, певцы и танцовщицы, торговались цыгане и евреи, звенели, закутав изуродованные лица в рогожи, колокольчиками прокаженные. Важно ходили с задумчивым видом между рядами бродячие школяры, учителя и клирики, приценивались к оружию наемные солдаты, и несли покупки за своими хозяевами многочисленные слуги. Но особенное внимание девиц фон Крайц привлек вид одной из палаток, возле которой стояла высокая рыжеволосая девица с растрепанными волосами, под блио которой не было и намека на рубашку или камизу. Мало того, что в вырезе платья хорошо просматривалась большая грудь, её блио было распорото по бокам, частично обнажая ноги и бедра. Возле скандально раздетой девицы небольшая группка мужчин ожесточенно спорила с согбенной от старости старухой.

- Пресвятая Дева, - ахнула шокированная Агнесс, - кто эта бесстыдница?!

Тетка Луиза только перекрестилась в ответ, видимо, от возмущения потеряв дар речи.

- Это - Рыжая Грета, - хмуро пояснил им провожатый, - блудница! Их тут много обретается во время ярмарок. Совсем стыд потеряли!

- Куда же смотрит стража?

- Но ведь нужно кому-то обслуживать весь сброд, что крутится вокруг, - мудро заметил монах,- иначе вся эта шваль начнет бросаться на порядочных женщин и целомудренных девиц!

Надо сказать, что непристойный вид Рыжей Греты настолько ужаснул Агнесс, что её образ затмил все остальные чудеса и развлечения ярмарки. И глубоко погруженная в свои мысли, она очнулась только на постоялом дворе. Монах не только определил их на постой, но и заставил хозяина уступить двум благородным дамам собственную спальню, изгнав оттуда домочадцев.

Утомленные женщины рухнули в постель, но утро принесло неприятные сюрпризы. Заболела Луиза. Уже немолодую женщину мучил озноб, а грудь сотрясал сухой кашель.

- Это заразная болезнь? - перепугался содержатель постоялого двора. - Тогда даму лучше переместить в лепрозорий под надзор сестер-монахинь!

Его страх можно было понять. В эту эпоху эпидемии выкашивали целые селения, а в той скученности, что царила на ярмарке, болезни становились особо опасными.

- Лёгкая простуда, - успокоила мужчину Агнесс, - даме нужно как следует отдохнуть, а я приготовлю целебный отвар. Здесь есть

травница?

- Есть, госпожа! В лавке старой Лотты можно найти всё, что угодно. Не доходя до монастырских ворот, есть колодец. По правую сторону от него и находится её лачуга. Вы легко найдете травницу по шесту с пучком травы!

Надо сказать, что хижина старой Лотты стояла несколько в стороне от бушующего котла ярмарки, хотя по дороге туда Агнесс всё равно пришлось продираться сквозь толпы попрошаек, плотно обосновавшихся на подступах к монастырю. Страшась за свой кошель, девушка облегченно вздохнула, когда увидела перед собой искомую лавку. Здесь было относительно спокойно, и возле увешанного пучками травы прилавка стоял только пожилой мужчина, внимательно разглядывающий выставленный товар.

А там было на что посмотреть! На прилавке теснились остро и малоприятно пахнущие разномастные глиняные горшочки с мазями и притирками, шуршали под дуновением ветерка сушёные змеи, ящерицы, мыши и жабы, низками болтающиеся вдоль стен.

Собственно, Агнесс нужны были корень солодки, мята и ромашка, чтобы из этого сбора сделать целебное питье, но она терпеливо пережидала, когда сухощавая согбенная старуха в опрятном чепце закончит торг с первым покупателем.

Становилось жарко. Белая полотняная повязка, охватывающая голову и подбородок девушки, не спасала лицо от палящего весеннего солнца, и Агнесс пожалела, что не надела широкополую дорожную шляпу.

А между тем седобородый мужчина, по виду явно знатного происхождения, не торопился расставаться со старухой:

- Ох, и воняют же твои снадобья! Интересно, какой дряни ты туда натолкала?

- Чего надо, то и положила: гадючий яд и барсучий жир лучшее средство от болей в пояснице и прострела! А вам, господин хороший, нюхать надо или втирать в больное место?

- Так ведь и втирая, нос-то не заткнёшь!

Ворчащий рыцарь развязал кошель, укрепленный на богато украшенном серебром поясе, но когда он вытащил оттуда монету, медяк неожиданно выскользнул из его пальцев и упал на землю. Мужчина было нагнулся его поднять, но неожиданно боль так скрутила его поясницу, что он с приглушенным стоном так и застыл в скрюченном состоянии.

- Вот ведь, клянусь шляпой святого Иосифа, напасть-то! И куда делся этот чертов Ганс?!

Кто такой Ганс разбираться было недосуг, и Агнесс бросилась на выручку старому рыцарю.

Спустя некоторое время они уже брели от лавки травницы вдвоем. Агнесс в одной руке несла корзину с пучками травы и с горшочками мази, а другой придерживала под руку страдающего от боли мужчину.

- Здесь где-то болтается мой оруженосец - Ганс. Наверняка, загляделся на девушек, бродяга! А у меня поясницу схватило! Ты уж проводи меня, добрая девушка, до нашего лагеря.

- Меня зовут Агнесс!

- А я - Конрад фон Аренберг! Мы с племянником возвращаемся из паломничества на Святую землю, и вынуждены здесь остановиться, чтобы дать отдых лошадям и людям.

- Шумноватое место для отдыха, мессир!

- Вы правы, фройляйн! Но мой племянник внезапно занедужил. Монахини его лечили, и Вальтер только-только пришёл в себя, когда началась эта ярмарка. А теперь ещё и я расхворался! А вы приехали на ярмарку, милая фройляйн? Где ваши родители?

- Они умерли! Я живу с тётей. Мы приехали с письмом к настоятельнице, чтобы помолиться в монастыре, но выбрали неудачное время - всё переполнено! Вот нас и устроили на постоялом дворе. Моя тётя тоже заболела - кашель, озноб...

Вот так, разговаривая о всевозможных болячках, они неторопливо вышли за околицу деревни. На лугу раскинулся довольно большой лагерь. Плотный разноцветный шелк палаток говорил как о немалом богатстве фон Аренбергов, так и о том, что эти люди совершили путешествие в далекие экзотические страны.

- Вы были в Иерусалиме? - с восхищением спросила Агнесс.

- Были... - неожиданно тяжело вздохнул старый рыцарь, - где мы только не были!

Они ещё только приближались к рядам палаток, когда в лагере стала заметна суета: забегали люди и из самой большой палатки навстречу девушке и мессиру Конраду вышел молодой человек, кутающийся в объемное узорчатое одеяние до пят.

- Конрад, старина,- рассмеялся он,- чего это тебя так странно перекосило? И что за юная фея рядом с тобой?

Было заметно, что старому рыцарю немного не по себе оттого, что он оказался в таком беспомощном положении в присутствии своих людей.

- А всё бездельник Ганс, - недовольно загудел он, - где только носит этого обормота?

И пока он изливал племяннику душу, тот заинтересованно поглядывал на девушку. Агнесс смущенно потупила глаза, но исподтишка и сама внимательно его рассмотрела.

Молодой мужчина не отличался ни особой статью, ни безупречной красотой, но почему-то сразу же понравился девушке.

- Фройляйн, не откажитесь ли разделить с нами трапезу?

- Увы, мессир, - отказалась Агнесс, - ваше приглашение - большая честь, но меня ожидает больная тетка. Мне ещё нужно приготовить для неё целебное питьё.

Вальтер покачал головой.

- Опасно одной ходить по ярмарке. Здесь на одного порядочного человека приходится не меньше десяти негодяев! Вас проводят мои люди!

Агнесс не стала отказываться от предложения, да ещё высказанного столь любезным тоном.

Может настойка помогла, а может Луиза, наконец-то, выспалась и отдохнула, но к вечеру следующего дня тётка уже довольно бодро смотрела на мир, а если и чихала, то изредка.

И вот именно тогда и появился на постоялом дворе красивый юноша в двухцветном красно-белом пурпуэне и в соответствующих шоссах. Эта мода тогда ещё только появилась, и Агнесс впервые увидела столь яркий и красочный костюм, сразу же определив в его хозяине, так называемого, "благородного слугу". Правда, для пажа он был достаточно взрослым.

- Мой господин, - изящно раскланялся юноша, - приглашает фройляйн и её тетушку разделить с ним и мессиром Конрадом ужин! Мы завтра отправляемся в дорогу, и граф хотел поблагодарить вас за помощь, оказанную его дяде!

- Такая малость не стоит благодарности! Да и едва ли мы сможем...

Но неизвестный юноша опустился перед ней на колено.

- Я прошу вас принять приглашение моего господина! - в отчаянии взмолился он. - Это я виноват в том, что мессир Конрад оказался один, когда его настиг приступ болезни!

- Так вы и есть тот самый "бездельник Ганс"? - рассмеялась Агнесс. - Встаньте!

- Нет, прекрасная госпожа! И если не согласитесь почтить своим присутствием праздник, я так и останусь стоять, пока вы не сжалитесь надо мной!

- А где же вы пропадали, Ганс...

- Ганс фон Вертер, госпожа! Я потерял мессира в толпе, потому что одна цыганка взялась мне погадать!

- И что же она нагадала? - с любопытством чихнула Луиза.

Молодой человек виновато пожал плечами.

- Пообещала богатство, славу и любовь самой красивой женщины на свете!

Ну, и что взять с этого наивного юноши?

- Хорошо, - согласилась Агнесс, - я приду! Только переоденусь... а фройляйн Луиза останется дома. Ей ещё нездоровится!

Тётка, разумеется, обиженно надулась, но девушка, натянув свое единственное нарядное блио, последовала за Гансом одна: не хватало только, чтобы родственница своим кашлем и сопливым носом испортила ужин едва знакомым людям.

В лагере фон Аренбергов гостью встретили подчеркнуто радушно: Вальтер усадил девушку рядом, тем самым показав, насколько ценит её согласие разделить с ним как ужин, так и тарелку.

- Мне жаль, что я не смогла прийти ваша тётя. Надеюсь, её недомогание не серьезно?

- Думаю, скоро она окончательно оправится!

И за столом завязалась обычная в таких случаях беседа. Граф со своими людьми побывал в Византии и Палестине, и теперь делился впечатлениями с гостьей.

- Иерусалим недаром называют земными вратами в Царствие небесное: божественное присутствие там ощущается в каждом камне! Мы побывали в местах, связанных с земным существованием Спасителя и прониклись благодатью, исходящей от этих святынь. Представьте себе: синее-синее словно покрывало девы Марии небо, под которым стоит город, желтые стены которого сияют в солнечном свете, словно золотые врата Эдема...

Агнесс, забыв про еду, зачарованно внимала рассказчику. Она представляла себе корабли, плывущие по морю, рыцарей креста, встречающих паломников на Святой земле, пустыни и цветущие оазисы... Загадочный и таинственный Восток!

- А откуда вы родом? - наконец, прозвучал вполне ожидаемый вопрос. - Где ваш дом?

- Я из Баварии, - грустно пояснила девушка, - из семьи фон Крайцев. Наш замок находится в предгорьях Альп вблизи дороги на Бреннерский перевал!

Она настолько расстроилась, упоминая родной дом, что не заметила, как граф и его дядя обменялись быстрыми взглядами.

- И как давно вы покинули отчий кров?

Агнесс быстро спрятала под скатерть задрожавшие руки.

- Больше двух месяцев назад!

Неизвестно, куда бы увёл их разговор, но в палатку зашёл дозорный.

- В лагерь прибежала какая-то женщина и спрашивает фройляйн фон Крайц!

Агнесс от волнения приподнялась с места.

- Это, наверняка, моя тётя. Что-то случилось!

Фон Аренберг удержал её за руку, вынуждая вернуться на место.

- Сейчас мы всё выясним! Пригласите сюда даму!

Агнесс ещё не успела толком перевести дыхание, как на пороге появилась всклокоченная тетушка. Судя по багровым пятнам на щеках и затрудненному дыханию, Луиза путь до лагеря фон Аренбергов проделала бегом. Полотняная повязка на голове сбилась, вуаль свисала только с одной стороны, а в руках она держала здоровенный сверток, завернутый в рогожу, в котором переполошившаяся племянница угадала свою Библию.

И пока Луиза жадно хватала воздух, пытаясь отдышаться, побледневшая Агнесс обреченно поняла - фон Геттенберг настиг их!

Граф перевел глаза с одной женщины на другую, и повелительным жестом приказал приближенным покинуть застолье.

- Как я понимаю, фройляйн, вам грозит опасность?

Агнесс молчала, лихорадочно размышляя, что же им теперь делать: опять бежать, только теперь уже неизвестно куда; кинуться в ноги аббатисе и попросить защиты; сдаться на милость фон Геттенберга? И совсем необязательно быть в курсе их проблем фон Аренбергам. В конце концов, они практически ничего не знали об этих людях!

Но не за тем, чтобы пнем безгласным хлопать ресницами мчалась сюда во всю прыть Луиза. Старая дева решила, что племянница по глупости просто не понимает, какая опасность нависла над ними:

- Агнесс! Недавно на постоялый двор приходил человек и спрашивал про нас. Я совершенно случайно в тот момент оказалась на лестнице и сразу же его узнала - он из свиты фон Гет....

- Тетя,- предупреждающе шикнула на болтливую женщину племянница,- возможно, не всем здесь интересно вас слушать!

- ... фон Геттенберг, - упрямо продолжила Луиза, - настиг нас!

Агнесс настороженно покосилась на Вальтера: кто знает, а вдруг фон Аренберги так же родственны Штауфенам, как и фон Геттенберги? Однако, уловив её взгляд, тот лишь сухо усмехнулся:

- Я знаю, что произошло с Крайцем, фройляйн! Когда месяц назад мы проезжали по вашим землям, направляясь из Каринтии в Баварию, то заметили, что неподалеку от дороги начались работы по возведению новой крепости.

- Что? - потрясенно подскочила Агнесс. - Новый замок? А как

же Крайц?

- Насколько мы поняли из разговоров на постоялом дворе, старый замок больше не нужен. Возможно, его разберут.

Несчастная девушка даже пошатнулась от нового удара.

- Да что же это такое! - в отчаянном бессилии заплакала она. - Графу мало смерти братьев, он хочет стереть даже саму память о Крайце!

Но фон Аренберга мало интересовала судьба какой-то захудалой крепости, а вот расстроенная гостья, судя по всему, не оставила равнодушным.

- Не нужно жить сожалениями, фройляйн. В этом нет никакого смысла! И если вы сейчас откровенно поведаете, что произошло, возможно, сообща мы быстрее найдем приемлемый выход из положения.

Рассказывать о катастрофе, постигшей их семью, было далеко не просто - всё равно, что расковырять едва затянувшуюся рану.

Аренберги слушали гостью, не перебивая, да и по окончании рассказа не сразу выказали своё отношение к её беде, чем встревожили Агнесс до крайности.

Неужели она ошиблась, доверившись старому рыцарю и его племяннику, и те выдадут беглянку преследователям? Но вскоре выяснилось, что граф раздумывал совсем о другом.

- Хотите, чтобы аббатиса помогла вам встретиться с Генрихом Львом?

- Да! Разве у меня есть другой выход?

Фон Аренберг сухо усмехнулся, и Агнесс удивленно осознала, что он не так молод как ей показалось вначале.

- Почтенная мать Гертруда расстарается свести с вами всех заинтересованных лиц только в том случае, если примете постриг в её обители. Тогда она за земли Крайца будет бороться до последнего и дойдёт не только до императора, но и до самого Бога! Но вмешиваться в конфликт между Вельфами и Штауфенами, чтобы просто досадить брату? Это вряд ли... как бы плохо не складывались между ними отношения!

Агнесс и Луиза испуганно переглянулись.

- Мы не чувствуем призвания к монашеской жизни!

- Тогда не нужно многого ждать от дня св. Афры!

Девушка расстроилась, сразу же осознав всю основательность доводов графа

- И что же нам делать?

И вновь воцарилась пауза. Фон Аренберг достал откуда-то из складок своего одеяния низку агатовых четок и стал неторопливо их перебирать, не спуская испытывающего взгляда со своей огорченной гостьи.

- Я бы посоветовал вам забыть о Крайце, - наконец, вымолвил он, - оставьте всё, как есть!

- Но это мой дом, - нервно возразила Агнесс, - единственное, что у меня есть!

- Вы не справедливы к себе. Вас щедро наделил Создатель и красотой, и сердечностью. Поверьте, этих достоинств будет вполне достаточно, чтобы счастливо устроить свою жизнь!

Девушка нервно рассмеялась.

- И кто меня возьмет в супруги без приданого?

- Думаю, вам нужно довериться Господней воле, и Всевышний сам укажет на избранника!

- А мои убитые братья? Разве я не обязана защитить доброе имя фон Крайцев?

- И это оставьте Богу! Что же касается дел земных... если вы боитесь насилия со стороны фон Геттенберга, я могу предложить вам своё покровительство. И пусть порукой вашей безопасности станет моя рыцарская честь!

Агнесс признательно улыбнулась в ответ на столь щедрое предложение. С какой стороны ни посмотри, приглашение фон Аренберга казалось лучшим выходом из положения!

ФОН ГЕТТЕНБЕРГ.

- Только не надо делать из меня идиота, Гертруда! Я точно знаю, что девчонка у тебя!

Фон Геттенберг раздраженно взирал на белый чепец и нагрудник постно поджавшей губы сестрицы.

Аббатиса отвечала ему не менее недовольным взглядом:

- Оставь меня в покое и не впутывай в свои неблаговидные делишки! Да, приходили две женщины с письмом от дядюшки. Но у меня сейчас гостит герцогиня Каринтийская с дамами своей свиты, поэтому вынуждены потесниться даже сестры в кельях. Я приказала паломницам прийти после отъезда герцогини!

Пауль смерил лицо сестры подозрительным взглядом. Несмотря на высокий сан, она легко и нагло лгала, когда считала это выгодным для своей обители. И как знать: правду ли говорит сейчас?

- И где же теперь девицы фон Крайц?

Аббатиса озадаченно наморщила лоб. Как же некстати были эти непонятные претензии и наскоки сумасбродного братца! Постоянно он с кем-то воюет, у кого-то что-то отнимает, словно позабыв, что не вечны люди на земле. У Гертруды и так была забита голова заботами о светлейшей даме, а тут ещё вспоминай, куда она выпроводила беглянок.

- Кажется, я попросила брата Гилберта найти им убежище!

Пока искали брата Гилберта, пока тот, неторопливо шаркая ногами, довёл людей графа до постоялого двора, девиц фон Крайц и след простыл. Хозяин постоялого двора сумел им показать только узел с оставшимися вещами. Недоуменно взглянув на женские юбки и рубашки, граф и Фриц пришли к неутешительному выводу:

- Кто-то их предупредил! Бежали, забыв даже про самое необходимое! Но... куда?

Хозяин постоялого двора не мог сказать ничего определенного.

- Приходил какой-то юный рыцарь, и девушка с ним ушла. Пожилая дама оставалась дома, но потом тоже куда-то исчезла!

- Юный рыцарь?

Фон Геттенберг напал на след беглянок в тот момент, когда отряд фон Аренберга уже покидал ярмарку, поэтому погоне и в голову не пришло связать отъезд графа со сбежавшей пленницей. Хотя о том, что вельможа долгое время стоял лагерем близ обители, им позже рассказала мать Гертруда.

- Граф подхватил во время паломничества в Святую землю лихорадку, и нам стоило огромного труда поставить его на ноги!

Интересы фон Аренбергов и фон Геттенберга никогда не сталкивались, но он всё-таки рассеянно поинтересовался:

- Вальтер всё такой же странный?

Аббатиса замялась с ответом:

- Граф - человек верующий и благочестивый. Он щедро одарил обитель милостыней, а в остальном... не берусь судить! И вообще, чем без толку гоняться за девицей фон Крайц, лучше бы помогли монастырю справиться с напастью: с недавних пор крестьяне стали жаловаться на огромного волка! Зверь режет овец десятками!

Геттенберг изумленно переглянулся с дядюшкой.

- Клянусь шляпой св. Иосифа, - загудел мессир Фриц, - это, наверняка, то же самое сатанинское отродье, что шлялось вокруг Вацбурга! И чего этот волчище бродит за нами, как привязанный?

Граф не стал озвучивать свои мысли по этому поводу, сухо пообещав сестре организовать охоту, как только закончит поиски сбежавшей пленницы.

Даже в царящем на ярмарке столпотворении люди графа действовали скрупулезно и педантично, опросив всех лавочников: не видели ли те двух искомых дам? Женщин видели, но никто не мог сказать ничего конкретного по поводу их исчезновения.

И только травница Лотта вспомнила похожую девушку, пришедшую на помощь неизвестному пожилому рыцарю, когда

того скрутил прострел.

- То молодой рыцарь, то старый, - ворчал Фриц, - не многовато ли рыцарей? И куда этих двух бестолковых куриц понесло?

- Да куда угодно!

Геттенберг после недолгого раздумья вдруг приказал свернуть поиски.

- Куда бы Агнесс ни направилась, - пояснил он неожиданное решение дяде, - рано или поздно она вернётся в Крайц! Это замок для неё значит едва ли не больше, чем спасение души!

- Зачем? - не понял тот. - От него же вскоре останется груда мусора!

- Но фройляйн-то об этом не знает!

Теперь можно было заняться и волком. Но сколько ни прочёсывали люди фон Геттенберга окрестности, зверь как сквозь землю провалился...